

журнал ЗВЕЗДА

Денис
Датешидзе

В ТЕЧЕНИЕ

(избранное)

Санкт-Петербург
2012

ББК 84.Р7

Д. Датешидзе

Д12

В ТЕЧЕНИЕ (избранное)

СПб.: ООО «Журнал "Звезда"», 2012. – 256 с.

ISBN 978–5–7439–0152–4

© Д. Датешидзе, 2012

ИЗ КНИГИ

«В поисках настоящего»

(1998)

В поле местоимений

* * *

Состою – из чего, кого я?
Из других: каждый дал что мог.
Даже грустное или злое
Прикрепилось,росло в комок.

Мне приятно, что ты – другая –
Тоже спрятана в ткань комка.
Все, в чем, кажется, упрекаю,
Принимаю наверняка.

Я пространством вокруг – накормлен.
Но зачем же оно – мертво?
И в любое мгновенье с корнем
Наше тесное рвет родство.

Как мне жалко свое-чужое!
Это правда, что мы – одни?
Только шепотом: "Знаешь, кто я?..
Обними меня!.. Оттолкни!"

* * *

Вечер синий, безлюдный, чудесный,
А какой еще? Ну, говори!
– Чей-то голос бессмысленно честный
Проникает сквозь все словари.

И боишься застыть от вопросов:
Твой ли он, или ты от него?
И останешься сам как набросок.
Эхо сладкое. Эхо мертво.

Что важнее – что вижу внутри я
Или то, что вокруг меня спит? –
Отражение, шизофрения,
С двух сторон одинаковый вид...

Ну и ладно. Сегодня и сразу
Мы узнаем, что значит "вдвоем",
Все отрывки притянем к рассказу
И хотя бы весельем сольем...

Обмануть себя и задохнуться,
Захлебнуться, и воздух – густой.
Пусть посмеют потом, посмеются
Надо мной, над тобой, над собой!

* * *

Если бы я не умел считать,
Я бы не рвал себя на куски,
Не составлял из кусков опять,
Я бы не знал – тоски.

РАЗ – и сразу понятно – я.
ДВА – и понятно – ты.
ТРИ и дальше – углы, края –
Формы, цвета, цветы.

Будет стремленье, восторг, полет,
Только не долетим...
Как-то нельзя отказаться от
Мысли, что я – один.

Ладно, пока что снимай пальто,
Стоит бояться? Нет?
Вот и опять неизвестно что:
Волосы. Руки. Свет!

* * *

А когда, натянув одеяло,
Опускаешься в страх темноты, –
Вспоминаешь: в казарме, бывало,
Спал с такими же рядом, как ты...
Кто сказал *"только этого – мало"*?

Заработана радость отбоя,
В полусвете слонялся, ленив,
Лишь дежурный... а это – другое –
В коридоре – следит за тобою,
Тонким шорохом слух обострив.

Экономил короткое время,
Безразличен к прошедшему дню,
В грубом племени, в прочной системе
Я тогда был спокойней со всеми!
А сейчас я... кому позвоню?..

Ну, неважно же – твой ли, не твой ли,
Приезжай, подежурь надо мной!
А потом – поменяются роли;
Мы работаем все поневоле
В этой службе поддержки ночной.

* * *

Время почему-то загустело, –
Не течет, плотнее с каждым днем;
Медленно протискиваешь тело
В еле пропускающий проем.

Каждый вечер, перед сном, на завтра
Выдумай желанье, не забудь, –
Капелькой горячего азарта
Растопи полуночную жуть.

Знаешь, я все больше ощущаю
В этом споре, ссоре затяжной:
Если не справляешься с вещами,
Вещи расправляются с тобой.

Для того лишь действуешь, чтоб делом
Подтвердить, что ты хозяин им,
Перед кем-то притвориться смелым...
Будто бы не чувствуешь всем телом
Тяжкой неподвижности нажим.

* * *

И жасмин, и шиповник – как чудо,
Расцвели во дворе – как в раю,
Чью-то радость, божественность чью-то
Обрамляя. – Мою? – Не мою.

Бахромой золоченой, зеленой,
Где болезненно плещется зной;
Подойди – и услышишь их сонный
Неизвестный язык запасной

Безосновного и основного, –
Где в движении куст недвижим...
Жаль, что мне – не понятно ни слова,
И легко оставаться чужим,

Равнодушным, поспешным прохожим,
Добровольно глотающим чад
Улиц тех, где мы встретиться можем.
И машины протяжно кричат..

А потом, в полутьме кинозала,
Кем-то собрано в ярком окне,
Все, что мимо так просто бежало,
Горячее, живее вдвойне!

* * *

О чем волнуешься, дружок? –
Ну да, мы все умрем.
И смерть похожа на прыжок
С резиновым ремнем.

Аттракцион, – оснащена
И невозможна без
Нелепой мысли, что она
И твой удержит вес.

Хотя посмотришь сверху вниз –
И кажется: никак!
И вдруг – болтаешься, повис,
Как на крючке червяк.

И так смешно! И, помнишь, там
Инструктор был – крепыш,
Который все изведal сам:
Три, два, один – летишь!

В последнее время

* * *

Бывает так: ослабла батарейка
В часах, возьмешь в ладонь – и вдруг пойдут,
Как будто крови передался зуд;
И кварцевая ящерица, змейка
Проснулась там на несколько минут...

И серпантин рассыпался по дому
Свивающихся тоненьких колец.
Я рад ответу, шелканью сухому,
Движению, тем больше – круговому.
Кто выдумал начало и конец?

И мне совсем не страшно почему-то, –
Пускай бы даже замерли опять.
Отсутствие чудес – такое чудо –
Посмею ли бессмысленным назвать?
Стучи, все та же, первая минута.
Теряю время? – Нечего терять.

* * *

Этот вечер не знает, что он мне знаком,
Он-то, сам по себе, – в первый раз! –
Дышит запахом листьев, дождем, сквозняком;
И троллейбус ползет – водолаз,

И, свистя, электричка летит на вокзал, –
Звук – спроси его – стар или нов?
Что им всем до того, что я в память вобрал
Много сотен "таких" вечеров.

Много сотен? – И где они? – Вот он, – один,
Разве быть недостаточно – в нем?
Как сквозь мутную пленку, сквозь время глядим,
Что-то делим, теряя объем.

Кто меня научил вспоминать обо всем,
Так печально сличая черты?
Знаешь, ящерица расстается с хвостом
Безболезненно, ну-ка, а ты?

Что хотел бы ты видеть? – Смотри же, смотри –
(Станут?) – Стали – (Собою?) – Тобой –
И аптеки, и улицы, и фонари...
Но смотри как прозревший слепой!

* * *

Фалес говорит, что все есть вода,
А Гераклит – что течет.
И мне бы хотелось узнать – куда,
Но кто ж представит отчет?

И что-то еще говорит Парменид, –
Что, кажется, все стоит.
Все в чем-то согласны, но в чем-то – не,
И как-то весело мне!

И мы говорим, что мы говорим,
И Истины вовсе нет,
Но как же возможен – вопрос, ответ?
И чем заняться другим?

Пусть все говорят слегка невпопад,
Пусть, главное, – не молчат.
Ах, если бы все это навсегда!
И воздух, вино, еда...

* * *

Жизнь и вправду течет, как вода,
Пробивая сквозь камни и грунт
Русло там, где поменьше труда, –
Больше легких, веселых секунд.

Я забыл уже, в чем виноват,
И, не слушаясь воли моей,
Дни проходят, как сами хотят,
Не жалея, что я их слабей.

Не жалеют? – И ты не жалеи!
Словно ивы прибрежные, ил,
Рябь речная и рыхлый песок...

Ты поймешь, оглянувшись назад:
Если что-то и "стоило сил",
Если – как там? – "старался", "творил",
Значит, просто иначе не смог.

* * *

Все знания, занятия, дела,
И вечера с друзьями у стола,
И "безусловных ценностей" шкала –
Нас ограждают как-то ненадежно

От пустоты, от черноты ночной,
Дневной!.. Перед ее величиной –
(Не знаю, как еще?! "сплошной"? "сквозной"?)
Все это... нет, не ложно. – Невозможно!

И я дивлюсь, как умственно больной:
"Все это – есть? И соединено?"
Сейчас – обед? А завтра – выходной?
В столовой музыка и запах супа.

Не то что злюсь, не возражаю, но...
Вон институт; студентки в проходной.
– О чем они? – Наверно, надо мной
Смеются весело и глупо...

* * *

Ну почему не скажут прямо,
Что там останется? – А цвет?
А звук? – Неужто просто яма?
А вкус французских сигарет?

Вся эта "ерунда" – я ею
Не должен дорожить – "как плен",
И все же я ее *имею*.
Что мне положено взамен?

Обещано... Невнятно как-то.
Хочу явиться на прием,
Узнать условия контракта
И больше не гадать о нем.

...Конечно, мало ли цитат!
Написано: горшечник глине
Не говорит, что виноват.
Тобою пользуются, ты не...

Так что же, как у Пазолини? –
"Здесь будут с вами, что хотят..."
В бинокль рассматривая ад
В той заключительной картине.

* * *

Жизнь, когда б не мы, она сама-то
Подвигов не требует и мук,
Вовсе не желает результата –
Не пустой ли это звук?

Сесть в трамвай и ехать никуда-то,
И смотреть, смотреть вокруг!

Ветрено сегодня, сыровато,
И зима – вдвоем с весной.
На газонах скомканная вата
С солнечною желтизной...

И идут, смеются три солдата, –
Хорошо им вместе. И со мной!

...между делом

* * *

Смешан запах свежести и гнили,
Холода прозрачного, тепла;
В лужах льдинки мелкие застыли,
Чтобы утром их весна сожгла.

Каждый день дрожу от раздраженья,
Беззаботно вялый и больной.
Спутались тревожные решенья:
"Надо... надо..." – надо бы женьшеня,
Чтоб весну почувствовать весной.

Никакого в мире нет секрета,
Все раскрыто – рад или не рад.
Будет лето, сколько хочешь света –
Просто медицинский препарат...
Дайте отблагодарить за это!
Некого. "Не стоит", – говорят.

* * *

Что за странной новизною
Нынче вечер сердце тронул! –
Не зимой же, не весною,
Не из булочной батоном,
Не трамвайным же вагоном, –
Так, обычным общим фоном;
Я не знаю, что со мною.

Просто синее, густое
Стынет небо над домами.
Страшно мне чего-то... Кто я?
Посреди дороги стоя,
Будто пробую руками –
Как прохладно это пламя!
Не сказать мне, чье, какое...

* * *

Я все время очень занят,
Только сам не знаю – чем.
Только это и терзает,
Никаких других проблем.
Без конца и без начала
Что-то вечно ускользает,
Детским голосом дразня.
Что-то было... "Одеяло
Убежало... простыня..."

Остается только воздух,
Он, по крайней мере, мой!
Шум из форточки ночной,
Огоньков мерцанье острых...
И, конечно, что-то в звездах,
Звездах! Звездах над землей!

* * *

Пройдет еще минут пятнадцать,
И я усну, поскольку снова
Придется скоро просыпаться
Под дребезг дряблый в полвосьмого;
И думать, втискиваясь еле,
В автобусе скрипучем стоя,
С такой усталостью густою:
"Настанет ли конец недели?!"

Потом вытаскиваю вновь из
Кармана пропуск и – готовясь –
Вступаю с опозданием в офис,
И будет восемь...

Боже! – То есть
Сцеплять бессмысленные звенья,
Не помня, трудно ли, легко ли...
И озлобленье и смиренье
Осядут, как в растворе соли.

И всем прописан способ, чтоб от-
вязаться. – Рад ли Ты, что давим
в себе?.. под (в наволочку) шепот:
"Да, благодарен, благодарен".

* * *

Не с кем бороться, а то, что "с собою",
Это совсем не борьба.
Если уж сравнивать – сдача без боя,
В ретроспективе – судьба.

Эти желания, ориентиры –
Разве их выдумал ты?
Надо скорее дойти до квартиры,
В чайник из крана воды

Столько налить, чтобы сразу вскипела;
Кстати, погладить штаны,
Да тараканов давить то и дело
И оттирать от стены.

Видишь, есть что-то такое все время,
Что не дает умереть,
Даже – всерьез задержаться на теме
Этой, сейчас или впредь.

В боли своей, раздражении, злобе,
Ими же защищено,
Ерзает сердце – младенец в утробе;
Тесно, тепло и темно...

* * *

Все дороги ведут всё туда же.
Скучно быть постоянно в пути.
За окном проплывают пейзажи,
Но не выйти. – Сиди и гляди.

Надо чем-то заняться, – заметки
Заносить путевые в блокнот,
Прижиматься к случайной соседке,
Пить таблетки. И поезд идет.

И другим не мешать. Но другие
Разве заняты чем-то другим? –
Тоже спрашивают в летаргии:
"А каким он окажется – Рим?"

Удивительно, как это можем
Долго так говорить об одном?!
Смысл движения тайный заложен? –
Не приедем, пока не поймем?..

Или вдруг в мельтешенье дорожном:
"Вот он! Вот он! – Уже за окном!"

* * *

Воздух из летних открытых окон!..
Тело обволокло...
Не объяснить календарным сроком
Радости... Как тепло!

И хорошо целый день в обнимку
С ветром лежать вдвоем.
Мысли развеивает, как дымку
Облака за окном.

Так бы и жить – принимать за веру
Легкое забытье.
"Место под солнцем"? – вот здесь, к примеру,
Там, где ты есть, – твое.

Я не о главном и не о многом,
Я – о случайном лишь...
Это молитва? – Наверно, с Богом
Только и говоришь.

* * *

Меня интересует, почему
Я не могу сказать о том, что в парке
Растут деревья, бегают спортсмены,
Стоят скамейки на чугунных лапах,
Сидят старухи; матери детей
В колясках возят целый день по кругу...
Давайте все подробно опишу! –
И кто-нибудь мне скажет: "Ну и что же?"

Что "что же"? – Ничего. Все так и есть.
А если есть, то, значит, что-то значит!
Там, между прочим, даже хорошо.

.....
Ужасно только то, что я и сам
Иду и спрашиваю: "Ну и что же?" –
Того, кто мне показывает это
И говорит: "Смотри. Смотри. Смотри..."
Как будто ждет ответа на вопрос
Какой-то... Неужели тот же самый?

ИЗ КНИГИ

«**Мерцание**»

(1999)

рассеянный взгляд

* * *

Не бывает "хорошо" и "плохо".
Лучше или *хуже* – вот и вся
Глупая механика. От вдоха
К выдоху раскачивается
Маятник. И так неудержимо
Это колебание, что ты
Всякий раз проскальзываешь мимо
Серединной точки – полноты.

Хочется остановить?.. Ни слова! –
Все погаснет... Черная дыра.
Лучше – как у Саши Соколова:
Смешанное завтра и вчера...

.....

"Будущее"! Что за перспектива!
Горизонт, которого никак
Не коснуться. Выглядит красиво –
И на том спасибо; для порыва
Повод. – Направляй же торопливо
Ахиллесов (черепаший?) шаг.

* * *

Память – заброшенный огород,
Заросший сорной травой.
Сил не хватает полоть – и вот
Он как бы уже не твой.

Найди-ка то, что хотел растить...
Лишь сами желанья в ней
Еще остаются; но, может быть,
И их задушит пырей.

А впрочем, так оно веселей,
Чем брюква-морковь-салат.
Какая сила у всех стеблей!
Пускай живут как хотят...

Используя почву, клубясь, змеясь,
Губя друг друга, тесня,
Переплетаясь, – и эта связь
Как будто прочней – меня.

* * *

Теперь не принято – а в детстве, пионером,
Я регулярно помогал старушкам
Войти в трамвай. Для этого вставал
В дверях. Старушки, кажется, пугались
Того, с какою скоростью их сумки –
И тело – тащат по ступенькам вверх.
И, ошалело бормоча: "спасибо",
Спешили поскорее отойти.

Все изменилось... Летом на скамейке
Попробуй, посиди спокойно с пивом!
То там, то тут – голодные глаза
Уныло-вежливых, но расторопных
Охотниц за бутылками. – Следят.
Чем дольше пьешь, тем терпеливей взгляд.

И – давишься, остаток выливаешь.
"На! Забери же!.."

– лишь бы отошла.

* * *

Хочется есть, но лень приготовить себе обед.
В кафе у метро – невкусно. На ресторан – нет денег.
Вот уже три недели работы и близко нет;
И интересно, сколько таких впереди неделек.

Что ж, отдыхай, отдыхай – ходи вперед и назад,
В полном пространстве – как бы в невесомости зависая.
"Видишь, какие птицы! деревья! трава! закат!"
И через листья полоска света сквозит косая...

Только бывает чувство, будто глаза мои
Смотреть не имеют права: общественное! – Ворую!
И будто бы даже эти... ласточки, воробьи
Летают не просто так, а с записью в "трудовую".

С подругой опять проблемы; желанье оформить брак,
Как всегда, утонуло в мутной волне скандала.
Тут еще эта опухоль... Выдумала, что рак...
Сходила бы уж к врачу и толком все рассказала.

– И почему-то думаешь: сколько хороших книг,
Всяких фильмов, картин, музыки! Из-под слоя
Верхнего выскользает, чтоб ослепить на миг,
Что-то такое... Прохладное. Легкое. Неживое.

Все-таки странно. Рядом – веселый, румяный мир.
Время для отпусков. Кто может, собрался вдаль на
Жаркие берега. В очереди в ОВИР
Встречают знакомых, кивают... и говорят: "нормально".

* * *

Август похож на стакан мадеры –
Где-то в дешевом кафе, в разлив.
Бог с ним... плевать на мои манеры.
Вечер прозрачен... Нетороплив...

Только б сидеть и следить без цели,
Как постепенно слабеет свет,
Веря, что так же уже сидели! –
Хочешь за кем-то идти след в след.

Пепел и кожица от салями...
Муха – о господи, как легка! –
Кружит бесшумно между столами.
Кажется, любишь. Издалека.

Вот бы вошел, как у Окуджавы, –
Только не Пушкин. Лучше – Кузмин.
Сонные отблески нежно-ржавы;
Люди – чужие. Пускай. Один.

Как хорошо, что я здесь затерян!
(Да и не денешься никуда...)
"Плотник веселый построил терем"? *
Празднуем, что ли? Добавим? – Да!

* Здесь, как и в нескольких случаях далее,
цитата искажена.

* * *

Права на вождение автомобиля
(Я так и не смог себе автомобиль...
На новый не хватит, а всякий утиль –
Боишься: запчасти, осмотры, мовиль...)
Забыты, зарыты в шкафу, как в могиле,

Под желтыми листьями старых счетов.
А сколько волнения и опасений!..
Проспект Революции. Холод осенний.
И старший инструктор, решив, что он гений
Предвиденья, – хмыкнул: "Не сдашь. Не готов".

Я сдал. – Он скривился...
Другие твои
Победы растают, как эта победа.
Но вдруг улыбнешься: мелькнет в забытьи,
Как счастлив и горд был! – Почти до обеда.
Час-два – после рукопожатья ГАИ.

* * *

Все вроде бы ясно... Сегодня четверг,
Потом будет пятница, дальше – суббота;
А вон по дороге идет человек
И тащит в тележке тяжелое что-то;

И снежные тучи сгустились вдали,
Лиловые, как кожа баклажана;
И бабки о том, как все подорожало,
Бормочут свое "до-чего-довели!" *

– И вправду, нас кто-то куда-то ведет,
И вот остается пустой комментарий
Навязших, навязанных общих забот...
Я видел бомжа, что играл на гитаре

И пел: "Только миг! Ослепительный миг!" –
И отождествлялся с падучей звездой;
И так "романтично" к бутылке приник
Пивной, и потрянул голову седую,

Как будто для подвигов неких из тьмы
Душа возникает. Бесстрашна! Готова
К любому исходу! – Что делали б мы
Без этого самообмана?.. И снова,

Когда, угасая, холодный закат
Висит над Невою, на волнах тяжелых –
Мерцанье неровное. Сумрачный всполох...
Не хочется спорить. И птицы кричат.

* Написано осенью 1998 г.

ПОД ДАВЛЕНИЕМ

* * *

Все всегда всё делают одинаково.
Это довольно важно. – Едят и пьют,
Дышат... При этом как-то хватает – как его? –
Желанья продолжить, просто остаться тут;
И заниматься тем же, вот так, без всякого
Вывода. Только – порядок, покой, уют.

Будто бы между самыми дальними звездами
И тем, как в чашке от лампочки чай блестит,
Разницы нет. А то, что "перед разверстыми..." –
Нельзя же всегда об этом. Привычный вид;
К тому же узорами полуприкрытый пестрыми.

...Ночью триллер по телевизору – как магнит.
Я прилипаю к экрану. Адреналин
Выделяется; кровь по венам бежит быстрее.
Физиология? Вечность? – Ну да, о ней...
Разве причины кто-нибудь объяснит?
Да и какое дело нам до причин?..

* * *

Плотные тучи – натянуты, вздуты!
Кажется город ночным кораблем, –
Брызги... и капли дождя... и минуты...
Чувствуешь, как мы несемся, плывем? –
Прямо – куда-то. Видны из каюты
Лишь отражения в море пустом.

Все острова, промелькнувшие мимо,
Если и названы по именам,
Как-то остались невидимы нам;
Точная скорость неопределима
По одинаковым темным волнам...

Сладко, привычно, приученно спим.
Где мы утонем, не скажет никто, но –
Как хорошо, что живешь монотонно!
Все – заколдованы... Чем-то таким!..
Смелым беспамятством?.. Ход камертона
Синхронизирован с пульсом морским.

* * *

(Т.)

Нас одолела постепенно
Любовь без крыльев и без стрел,
Как результат теплообмена
Или диффузии двух тел.

И как, мучительно и туго,
Врастают, разодрав кору,
Деревья ветками друг в друга,
Раскачиваясь на ветру...

И вот в обыденном режиме
Руководят (не побороть)
Желанья, бывшие чужими,
Теперь впитавшиеся в плоть.

И мне не вынести порою
Того, что ты еще не вся
Внутри! – И хочется тобою
Стать. Жаль, что полностью – нельзя.

* * *

Страсти влюбленных, их вздохи и страхи,
Ахи – в программе продления рода –
Функциональны, – как у россомахи,
Выдры, бобра, утконоса, удода.

Это же, как говорится, "в натуре" –
"Я без тебя – Люда? Света? Оксана? –
Ну, не могу!.." Вон к намазанной дуре
Льнет. Чем он хуже – Ромео? Тристана?

Дарвин и Фрейд объяснят без запинки –
"Как ни верти, подоплека все та же" –
Все наши мысли, стихи и картинки,
Архитектуру и музыку даже...

Что до изысканных тех отклонений,
В них ничего не добавлено, кроме
Вязкой похожести – бедер, коленей,
Губ... (Я гостил месяцами в Содоме.)

В общем, смотри – срок сеанса не дожит –
Фильм с хэппи-эндом... Без всякого энда!
Дети рождаются. – Достоинно продолжают.
Видишь ли, девочке надо бой-френда.

По магазинам – квартирам – аптекам –
В спектре хоть от Антиноя до Ноя –
Скучно любить! Скучно быть человеком!
Но ни на что не решиться иное...

* * *

Сидит человечек карманный
В нагрудном кармане моем.
И город сырой и туманный,
И осень – ему нипочем!

...Когда на ходу засыпаю,
Но, ежась, куда-то бреду;
Когда я в кафе покупаю
В пластмассовой чашке бурду;

Когда вечерами жене я
Кричу, что уйду... кипятком
Плююсь... – обо мне не жалея,
Он дремлет, прикрывшись платком.

Он что-то находит такое
Во всем, что забавны ему –
Мое раздраженье тупое,
И грусть, и вопрос "почему?".

Усталые, серые лица
В трамвае. И пятна огней...
И смерти – совсем не боится!
Он просто не знает о ней.

* * *

(из Петрушевской)

– Вот так, представь себе, живу:
Внутри довольно много злого
Накоплено. Вчера жену
(Не помню, за какое слово)

Ударил. – Пьяный. – Ну, она –
С очередным своим упреком...
И тут... как будто било током.
Швырял посуду из окна.

– Наутро мыслей поворот
Трусливый: "Вдруг сейчас помрет?!"
Тогда меня посадят! Точно! –
"Увы, все зыбко и непрочно".

Носил весь день в постель ей чай;
То ручку целовал, то ножку;
Пожарил на обед картошку;
Бубнил, какой я негодяй...

И это – жизнь?! И я ей рад?!
Похоже, рад. – Не сон ли? Я ли?!
(Теперь, как мы вчера кричали,
Опять за стенкою кричат.)

"Бывает, – скажешь, – меж людьми...
И снова будет, может статься..."
Признаться стыдно, но – пойми! –
Еще стыдней не признаваться.

* * *

"Как дела?.." – Тяжело и мутно.
Вот бы всю эту тяжесть, муть
Растворить! – разъяснить кому-то,
Обхитрить и перевернуть.

Сердце вряд ли во что-то верит.
Только бьется – быстрее, быстрее...
"Страх и трепет" ничтожны перед
Повтореньем *таких же* дней.

"Я хотел бы сказать..." – Не знаю.
И стихи – не отстойный бак.
Лишь – какая-то радость злая:
Пусть все будет не так. Никак!

Пусть все будет – спальным районом,
Длинным вечером. И живым,
Нависающим, воспаленным,
Небом бледно-оранжевым.

* * *

(аварии на подстанции)

По лестнице идешь, как по пещере
(Зимою часто исчезает свет).
И всюду дыры темные и щели,
Не разобраться... Кто это?! – Сосед,
Так страшно топая, мешок картошки
Наверх без лифта еле заташил.
И шмыгают собаки или кошки;
И лязг дверей, и низкий гул перил.

Придешь домой. Попробуй – нету толка
Звонить... Устроим вечер при свечах.
Точнее, при свече, и ненадолго –
Пока кривой огарок не зачах.
И тут уж поневоле всё отложишь, –
Читать? Писать? – Не портить же глаза...
И можешь говорить, и думать можешь
О чем угодно. Хоть на полчаса.

* * *

(оттепель)

Мне нравится, что в этом мире
Бывает часто плюс четыре
И даже дождь идет зимой.

Как будто все перемешалось,
Как будто это чья-то шалость,
Дыханье сырости живой!..

Курю, беспечен и простужен,
Скольжу ногой по черным лужам,
В них окна желтые дрожат...

Вода мягка и ветер сладок.
Я обожаю беспорядок!
Всё – кое-как и наугад.

И кажется, еще неделя –
Очнешься в глубине апреля,
И полностью исчезнет лед!

Трава проснется очумело!
Деревья примутся за дело!
И солнце улицы зальет...

* * *

Право, не клуб ли вороньего рода...

Н. Некрасов

За что я так люблю ворон? –
Когда разносятся в тумане
Их крики над сырым двором
Между квадратными домами.
– За то, что кажется крыло
Ладонью черной, длиннопалой?
За то, что им не повезло? –
То суетливый, то усталый
Полет... Но скучно так сидеть.
Ну, собрались! – повисла стая.
А далеко – не улететь,
Одышкой хриплою страдая...

Скажи, не так ли о своем
Навязчиво и однотонно
Кричим? Не так ли мы живем?
Моя – не ласточка, – ворона –
Душа; и мир, и двор – осклиз.
И все же хочется туманом
Дышать. Метаться вверх и вниз.
Да! – Двигаться в пространстве рваном.

* * *

Легкий, свежий и нежный... Таким словам
Тесно будет в одном ряду, –
Словно соприкоснувшимся островам;
Надо это иметь в виду.
Нет, не ветер, не вечер – а где-то там...
В прошлом? в будущем? – не найду.

– Там, куда не пробраться: затор, завал.
Почему же я так согрет
Их соединеньем? – Я их не звал...
Пожелание ли? Совет?
Или кто-то загадку мне загадал?..
Хорошо, что ответа нет.

...Только, знаешь, сделать бы долгий вдох
И потом – не боясь прослыть
"Легким, свежим и нежным" (как слог мой плох!) –
Словно между двух скал проплыть!
Проскочить... кого-то застать врасплох.
Непонятно? – Не может быть!

продолжение следует...

* * *

Случайный знакомый вошел в вагон.
"Привет!" – Остановок пять
Придется вместе. И есть закон –
Что вместе нельзя молчать.

И вот мусолим: "А где?.. А с кем?.."
И мне – и ему – и нам –
Плевать. Но как же – без этих схем?
И поезд: "трам-тарарам".

И крепко впаяны наших губ
Движения, щек и скул –
В стальной, стеклянный, прозрачный куб,
Летающий в тоннеле гул.

В углу, так быстро, одной рукой –
Им вроде бы есть о чем –
Немые... Неужто чего-то ждем?
Да кто он?!. Кто я такой?!

* * *

На тринадцатом этаже
Я смотрел на закат с балкона.
Город плавился в мираже
Как-то страшно и монотонно...
Из широкой кирпичной ниши
Далеко улетает взгляд:
Крыши, крыши, плоские крыши;
Лишь вдали купола блестят.

И – полет ненасытных чаек.
И – немислимо, как они –
Не печалются? Не скучают?
Или эти формы сродни
Волнам, водам? – только застывшим.
Лаве, вылившейся за край?
Странно, как же еще мы дышим?
Луч последний скользнул по крышам. –
Навсегда. Насовсем. Пускай!

...И тогда я понял, что знаю
То, что чувствовать бы могла,
Воздух перьями разрезая,
Вдаль отправленная стрела...

* * *

(пожар в соседнем доме)

Поглядишь – и мысль неистребима,
Раньше всяких там приличных слов:
"Сколько ж может получиться дыма
Из диванов, стульев и столов!"

Все, что там спрессовано годами
(тряпки? книги?), – в черном и простом
Высоко колеблется над нами,
Длинным в небе тянется мостом...

Странно, стыдно – что сравненья строю?
Сгусток распускается живой
Не тяжелой рваной бородой,
А кудрявой женской головой!

"Что пожарных?.." – "Вызвали соседи...
Через десять, кажется, минут".
Визг сирен вдали; сбежались дети –
Возбужденно, радостно орут.

* * *

...А все-таки совсем не так давно
Все было четко определено;
Нас примиряло и объединяло
В учебниках, в газетах и в кино
Пространное, семейное – оно,
На карте – розовое одеяло.

И все равно мы прошлое простим,
И нет способности расстаться с *ним*, –
Застрявшим где-то в жилах, в костном мозге.
Так в полуностальгическом ключе
Мне вспоминается порой в/ч
03122 в Североморске.

– Что именно? – Тюлени-дембеля?
Поросшая антеннами земля?
Пинки, щелчки? Поблажки и подачки?
Сияние над сопкой ночью ("Бля!");
Украденные кем-то три рубля...
И полновесность мерзлого угля
В покачивающейся тачке.*

* В наряде в котельную.

* * *

Исчезают формы, оболочки,
Распадается часа за два
Город. Остаются окна, – точки, –
Одноклеточные существа.

И зачем – колонны и фасады,
Если светлой лимфою полны
Хаотические мириады
В глубине катящейся волны?..

Я люблю, наверно, слитость эту, –
Комнату вон ту, и ту, и ту...
Кто-то зажигает сигарету;
Кто-то ужин ставит на плиту.

Все вокруг – мерцанье, повторенье;
Все мы вместе, потому что врозь.
Бессознательное растворенье...
Завтрашнего утра построенье...
И не хочется. Но так пришлось.

* * *

(1.)

Когда людей в аллеях сада
Слоняться выгнала жара,
Есть ощущение то ли стада,
То ли тюремного двора, –

Большой, но очень крепкой клетки,
Закрытой кем-то навсегда.
И не помогут листья, ветки
И даже – ветер и вода.

Мосты, музеи, трубы фабрик
И бракосочетаний дом...
Гуляет солнце – желтый карлик –
Лениво в сине-золотом,

И под горячими лучами,
Чтоб ими пропитаться властью,
Девушка с бледными плечами
В траве, как тыква, разрослась.

...Спортсменок-ласточек вертялых
Мелькание – туда-сюда.
И добросовестно в канавах
Торчат лопух и лебеда.

* * *

(2.)

День прожит зря, как говорится.
Но тем приятней – если зря, –
Что "перевернута страница",
Или, верней, с календаря

Оборвана. Маниакально
(Сказать? в своем ли я уме?)
Мне нравится все-все буквально
(Возможно, так сидят в тюрьме),

Что *кончилось*: период, книга,
И суп в кастрюле, и кино;
Как настоящее безлико,
Так прошлое обрамлено...

И, как ни странно, не смущает,
Что тот же сварим суп опять.
Он перспективу обещает
Глотать, жевать – и изживать.

.....

Пусть это – от тоски и лени,
Но страха нет. Иду. Иду...
В забвеньи или накопленьи
Смысл наконец приобрету.

Как тот на улице? – который
Шел-шел... и вдруг дозрел! Упал.
Без долгих мук (дождешься ль "скорой"?).
Слюнявый вспомнился оскал.

* * *

Видишь, лето вокруг городское:
Душно, пыльно и ночью светло.
Чувство знаешь какое? – Такое:
"Поскорей бы все это прошло".

Дальше осень – с дождями, ветрами,
Неуютная слякоть одна;
Будешь дома скучать вечерами, –
"Поскорей бы прошла и она".

А зима так совсем... В самом деле,
Сомневаться в желаньях смешно!
Минус тридцать. Все заледенели.
"Поскорей бы все это прошло!"

А потом, как известно, сначала
(Поскорей бы и это прошло) –
В подоконник вода застучала,
Солнце дырки в сугробе прожгло...

Зацветает под окнами слива;
Мне не вспомнить, в каком я году.
Так чего же я жду терпеливо? –
А чего-то ведь все-таки жду.

ИЗ КНИГИ

«На свете»

(2 0 0 1)

ТАВТОЛОГИИ

* * *

Осень – странная... Ленивым осам,
Обреченным, хорошо пока
Ползать по гниющим абрикосам
В мусорной коробке у лотка.

Только где ж их музыка густая?
Будто просто отключили звук...
И порой – взлетая, повисая,
Кажется сомнамбулою вдруг

Тоненькое тельце с острым ядом,
Слепо ударяясь о рукав...
И прохожий осторожным взглядом
Не следит, значенья не придав.

Дни порывисты, чернополосы;
Стылых облаков войска растут.
Эта смесь фруктозы и глюкозы
По случайности осталась тут.

Скоро-скоро... Снег не за горами.
"Так их всех" – бездельниц и проныр.
Как, наверно, в вялом умираньи
Сладок медленнотекущий пир!..

* * *

Боже мой, как сегодня красиво!
Облака, облака, облака...
Слабый ветер, бессилье отлива,
Вкус ментолового табака.

Поднимая или отпуская
Взгляд в такую просторную тишь –
То ли плотная, то ли пустая, –
То ли движешься, то ли стоишь.

И слышны хорошо на вокзале
Поездов уходящих гудки...
Никакие заветные дали
Не заветны и не далеки.

Просто... так вот бывает красиво.
Я смотрю и не чувствую сам,
Как шепчу потихоньку "спасибо"
Никому. Облакам, облакам.

* * *

Годы, невзгоды, воды, разводы, роды;
Моды, расходы, дачные огороды;
Сотни оттенков хорошей-плохой погоды;
Вспомни, сколько нам лет..
И никакого покоя, как и свободы,
Нет. Собирай в букет –

Розы, морозы, грозы, мимозы, позы;
Слезы, неврозы, угрозы, пародонтозы;
Радости-грусти дозы, метаморфозы;
Также в общем ряду –
Чтение разнообразных стихов и прозы.
Что я еще найду?

Чтобы воссоздавать себя в каждом шаге,
Чтоб на работе с утра разобрать бумаги,
Чтобы услышать вечером: "*Маги-маги*"* –
И с ума не сойти,
Сколько же нужно наивности и отваги!..
Или – себе не льсти –

Страх? Притворства? Нелюбопытства, что ли?
Помнишь желание – смыться с урока в школе?
Весь этот мусор, накопленный поневоле,
Сжечь веселым огнем,
Кто как умеет – в постели и в алкоголе..
Или однажды – в самой последней боли! –
Втайне случая ждем.

* Из телевизионной рекламы бульонных кубиков ("*Maggi*").

* * *

...Я вспоминал, как что-то вспоминал. –
Не понимая, что со мной... не помня.
А если бы и помнил-понимал,
Не стало б ни легко, ни тяжело мне.

Но, кажется, казалось: во втором
(Нет, в первом?) эпизоде – было лето.
Нет – осень?..
Вспоминанье как синдром, –
Освободившееся от предмета,

Утратившее запах, вкус и цвет,
Скорее – жест, движение, дыханье.
И ничего в нем не было и нет!..
Есть даль и невозможность обладанья,

Наверное, берущая исток
В том самом сумрачном конце-начале...
И получается, что я бы смог
Дышать, когда весь воздух откачали, –

Когда лишь пара пристальных зеркал
Себя друг в друге ищут, образуя
Ряд бесконечный комнат или зал
Пустынных, – где живу и не живу я.

* * *

Заморожен и завьюжен,
Город призрачен и тих...
Ни алмазов, ни жемчужин
Не хочу, зима, твоих.

Дай мне только захолюстья
Плотный, пасмурный покой, —
Равновесие. И пусть я
Буду кем-то. Не собой.

Никакой тоски отдельной,
Ни за что ни с кем борьбы...
Дым лениво над котельной
Выползает из трубы,

Быстро гаснет вечер синий.
Жить бы просто. Все порвать,
Все забыть... и в магазине
Хлебом-булкой торговать.

* * *

Покупали покупатели
Макароны и пельмени;
Жили-были, время тратили,
Развлекались, как умели, –
Жители и умиратели...
Что же делать, в самом деле?

Все *физические лица* и
Даты, адреса и сроки –
В отделении милиции,
Где сержант усатый, строгий,
Желто-серыми страницами
Сохраняются в итоге.

И – одна на всех обложечка.
Разбираться неохота –
(Знаешь, как о чашку ложечка
Звякнет... слабенькая нота) –
Почему мне жаль немножечко
То "кого-то", то "чего-то"?

* * *

Господь уже не ждет, не просит
Ни достижений, ни побед.
Нас терпеливо переносит
И льет бесплатно белый свет,

И дни беспрекословно длятся,
На них поставлена печать
Неустремленности меняться
И что-то важное начать...

Мне тошно!.. Стыдно быть бессильным.
Но стыд не прибавляет сил.
И так спокойно в небе синем...
И если Он мне все простил –

Не так ли, как и мы прощаем
Того, кто нами не любим?..
Устав обидам и печалям
Покорствовать, следя за ним.

утверждения

* * *

Говорить хотелось бы только о "самом главном",
Только "самое главное" – слишком абстрактно, чтобы
Хоть немножечко быть веселым или забавным.
И к тому же требует слишком высокой пробы,

Свысока – равнодушно к твоей на него обиде.
Ведь вполне добросовестны поиски, и упорны!..
Кстати, где-то я слышал, что золото в чистом виде –
Вроде желтого пластилина, – не держит формы.

И поэтому бог с ним!.. Прекрасно, что мы болтаем,
И что ветер слоняется без толку по газонам,
И при этом наполнен шумом, собачьим лаем,
Детским криком... со светофора машин разгоном...

И не то чтобы счастлив. И было бы однобоко
Восторгаться... Всё мелочи, мусор, излишки фона,
И не зря вспоминаешь любимую строчку Блока:
"Жизнь пуста, безумна и – (мало того!) – бездонна".

– Только самое главное – в том, что на этом фоне,
Сплошь изученном, стертом, как раз и мелькнет украдкой
(Уж его и не ждешь) – это "самое", то, чего не
Рассказать... улыбкой? насмешкою? вспышкой краткой!

* * *

Пять старых тополей под заводской стеною –
Обрезаны под пень, острижены под ноль.
Тот, кто старался тут, орудуя пилою,
Оставил метра три, а веток – ни одной.

Их было бы теперь и не причислить к "старым",
Когда б не толщина стволов, точней – столбов.
И не скажу, что жаль... Наверное, недаром:
Не били стекла чтоб, не рвали проводов.

И вот уже – взгляни, – как заново из почвы,
Горячие ростки с кудрявой бахромой
Из складчатой коры – вторичны и побочны –
Возникли тут и там. И хороши собой.

И места хватит им... И не расслышать в прошлом –
В беспамятстве густом, в сплетении теней –
Тяжело-пышный шум... Про тополь этот что ж нам
Решить? Он стал теперь "слабей" или "сильней"?

"Все тот же"?.. "Не совсем"?.. Упрямее, покорней –
Тянишь куда-нибудь... Останется – куда.
А если слишком горд, отказывайся в корне!
Замолкни от тоски, засохни от стыда.

* * *

Во сне я слышал: птицы пели.
Всего лишь птицы... за окном...
Но вел к доступно-общей цели
Звук, чутко преломленный сном.

И бессловесно это пенье
Так полно обещало мне –
Проникновенье, примиренье
С тем, что внутри, того, что вне.

Я вспоминаю: "обещало" –
Но почему же?! – Снова вкось
Уходят мысли. Ведь сначала
Так было ясно: все сбылось!

И радость без конца и края!
В каком краю? каком раю?
Очнулся я, – не понимая...
И сон звенит, не исчезая,
И комнату не узнаю...

* * *

Краснолапый голубь круглогрудый,
Называющийся "сизарем"...
Пусть я снова покажусь занудой,
Кто его – такого – изобрел?!

Бог?! Механик, часовщик скорее!
Посмотри: похоже на "тик-так" –
Дергаются голова и шея,
Точно отмечая каждый шаг.

Неподвижный желтый глаз – как будто
Объектив из плоского стекла;
В тусклых перьях – жирный блеск мазута,
Или вправду смазка протекла?..

Так и есть... А все равно – над нами,
Если топнуть, шаркнуть, крикнуть "кыш" –
Торопливо-мягкими хлопками,
В направленье проводов и крыш,

Два с изнанки крыльев открывая
Белых неожиданных пятна, –
Он *взлетит!* – И все-таки живая
Штучка!.. Цель, наверно, лишь одна –

Ухитриться видеть мир красивым,
Оправдать и примириться с ним...
Думаешь, она тебе по силам?
Не с излишним ли берешься пылом?
– Но нельзя не попробовать!
Летим!..

* * *

Дождь прошел, и небо просветлело,
И лазурь вечерняя бледна,
Лишь откуда-то над крышей слева
Появилась черная одна

Тучка, как дворняжка, – шерсть собачья
Ключьями торчит над головой.
Непростая – слиться – ей задача
С отдаленной стаей грозовой.

И, меняя на ходу обличье,
Словно примеряется, с каким
Поскорей? – собачье или птичье?
Или – лодка с парусом тугим?

Только жаль, что с каждой переменной,
Хоть и вправду движешься быстрее,
Что-то тонет в пустоте беспенной...
Вот уже ни паруса, ни рей,

Вот совсем растаяла... Устало
Я очнулся. Формам нет числа.
Так что... долетела, добежала!
Просто – неизвестную нашла.

* * *

Все различия рухнут в слиянье, –
Предназначены стены на слом;
И оттенки утонут в сиянье,
Беспредельно-сплошном, неземном.

Не придется копаться в деталях
И блуждать с этажа на этаж
Знаний спутанных... Что же, не жаль их?
Ты без дрожи согласие дашь?

И в следах вопрошанья и пыла –
Киноплёнки, холстов и бумаг
Мертвых залежах – Слава и Сила
Не нуждается?.. Странно, что так...

– Рай же должен сложнее, а не проще
Быть устроен, чем мир или ад.
Что за блеклые "кущи" и "рощи"! –
Тишь, стерильность и ангел-медбрат

В белой робе... Как этого мало!..
А представь: прилетаешь ты в рай –
Смотришь: пусто..
И слышишь: "Сначала –
Вот тебе все цвета из пенала –
Ну! – чего бы душа ни желала –
Нарисуй! Сотвори! – помогай!"

* * *

Что мне нравится, что вызывает зависть,
Это то, что птица есть просто птица, –
Поднимается, кружится, не терзаясь
Подозрением, что с нею могло б случиться

Что-то большее... Ласточка ли, ворона –
Хоть летя в одиночку, хоть влившись в стаю,
Не отступит от заданного закона...
Извини, что назойливо повторяю,

Но ведь это и значит: "она – свободна!"
От – возможностей...
Что ж, вслед зигзагам птичьим,
Мыслям в небе – можно куда угодно!
Безнадежно – бессмысленно – беззаботно! –
Так как только неба и не достичь им...

отрицания

* * *

Мне до сих пор все так же неизвестно,
Как сделать, чтобы было интересно
То, чем невольно занят каждый день...

События не обрastaют смыслом,
Души не подключить к бесплодным числам,
И я брожу бесплотнее, чем тень.

Вокруг – сосредоточенные лица,
Компьютер, Microsoft Excel, таблица, –
"Какой ты прогнозируешь приход?"

И где бы взять – хоть столечко азарта?!
Я ставил на него... но эта карта,
Похоже, бита. Что теперь спасет?..

Но лучше знать: мы виноваты сами! –
Чем думать: "жизнь как жизнь". В оконной раме
Над полем провисают провода...

А кто-то, где-то – может по-другому?
В сырую даль, в предсмертную истому
Уйти!.. Куда глаза глядят. – Куда?!

Сентябрь. "Опять не выполнена квота".
Судьбой рассчитано, что ты кого-то,
Как ни вертись, обманешь. – Извини...

Но если уж бороться – не за братство
Людей или всеобщее богатство,
А вот за эти пасмурные дни!

* * *

Что напишешь – о черном котенке?
Дверью задние сломаны лапы.
Он лежит на вонючей картонке
У подъезда. Картинка была бы

В самый раз – для плохого рассказа.
Да и то – не придумать сюжета...
Впрочем, рыбы ошметки и мяса
Каждый день, невзирая на это,

Кто-то рядом бросает... Я тоже...
Прихожу и сюсюкаю: "Киса,
Кушай, маленький..." Видишь ли, все же
Это судороги компромисса.

Вот бы взять (наплевать – не бояться
Ни забот, ни глистов, ни заразы).
Глазки узкие густо гноятся...
Продолжая плохие рассказы,

Может быть, заодно – о безногой
Идиотке? – тарашится немо
У метро, на каталке... Не трогай!
Слишком вязкая, липкая тема,

С мазохистским, пожалуй, уклоном.
Занимайся "своими делами"...
Только – как? Если здесь никого нам
Не спасти – мы беспомощны сами.

* * *

Я не верю в честность наркомана
Или в благородство алкаша;
Рано или поздно (чаще – рано)
Вся насквозь поражена душа...

И неважно, в слабости ли, в силе
Дело... в обстоятельствах? – Бог весть.
В тайны разложения и гнили
Как-то больше нет желанья лезть.

Вот и в том, что – попросив сначала
Закурить, чуть сдерживая дрожь
Рук – бормочет нищий у вокзала,
Вряд ли много смысла наберешь.

Искренности стертая монета...
Все, конечно, – "суки" и "козлы",
По его словам. В ответ на это –
Улыбаться? сглаживать углы?

Выслушать про зону в Барнауле?..
"Ладно, – говорит, – пойду поссать..."
Кажется, нас в чем-то обманули.
Стоит ли – сочувствовать? спасти?

Искупленья ждать и оправданья?
Лишь сломают, а не просветлят –
Лишние – ошибки и страданья.
Погуби уж сразу!.. Всех подряд.

* * *

...Чего-то в жизни не случилось...
Что говорить?.. – "Мне очень жаль";
"У нас с тобой не получилось". –
Возможности уходят вдаль,

И там, расплывчато белея,
Как все, чего не сжать в горсти,
Парят... "Что может быть нежнее,
Чем запоздалое *прости!*.."

– Почти романс. На дряблых струнах.
Ни новых слов, ни новых нот
Не надо... "Сын ошибок трудных" –
Не опыт, нет! – а этот вот

С сентиментальным перебором
Напев. И уплывает взгляд
В то место, может быть, в котором
Нам все вернут... нас всех простят...

* * *

Сейчас к подушке лбом горячим
Прижаться и – заснуть, заснуть.
Чего мы стоим? Что мы значим?
Да ничего... Так и забудь.

А мысли – следствие природных
Потребностей... Глаза сомкни.
Есть просто труд; есть просто отдых;
Ты – в них, а не в тебе они.

Когда бы знать – и не бояться, –
Что смерть – легка, мягка... близка.
Светлеет ночь. Минуты длятся.
Ты дышишь, то есть ждешь пока.

И под ночную тишиною,
И за поспешностью дневной –
Переполняешься сплошною
Прощальной жалостью родной!
Нежнейшей болью ледяною!
Неискупимую виной...

* * *

Жизнь устроена все-таки честно, и такова –
Можешь даже порадоваться, – что тебе всего лишь
Надо будет ответить за собственные слова,
Убеждения, прихоти, – все, что себе позволишь.

То есть "слово становится плотью" не где-то там,
А вот здесь... И тебя, между прочим, предупреждали.
Обстоятельства долго идут по твоим следам,
Но сомкнутся. – И не спасут никакие дали.

Зачарованной ими, не вырваться из клещей
Ослабевшей душе... не выскользнуть из-под спуда.
Ждать, наверное, стоит разве что двух вещей:
Смертью (первая) трудно прельститься; вторая – чудо.

– И не счистить походя, веточку отломив,
Обещанья, как грязь, прилипающую к подошвам;
И поскольку ты в мире есть, и покуда жив –
Ни расстаться с прошлым нельзя, ни остаться в прошлом!

Вот и всё...
Выхожу на улицу в сентябре.
Никуда не спеша. Чтобы мимо минутыплыли...
Постоять на заросшем, заброшенном пустыре,
Горький, легкий запах вдыхая сухой полыни.

* * *

Ни просвета нет на горизонте,
Мелкий дождь над головой шуршит.
Капюшон удобнее, чем зонтик,
Потому что к вороту пришит.

Прорезиненная ткань осенней
Куртки износившейся – слегка
Вздрагивает от прикосновений,
И в кармане греется рука...

Небо к ночи все плотней и ниже,
И уставшей – словно в шалаше
Спрятавшейся, или в темной нише –
Слушать шорох нравится душе.

То ли город – тоже в капюшоне?
То ли мысли смешаны с дождем?
Говорят, что было б хорошо не
Рассуждать... но я не убежден.

В общем... что душа находит в этом? –
Интересно знать. Но растеклась
Сумрачным сутулым силуэтом,
Зыбкой тенью под фонарным светом...
Утешайся, вслушивайся всласть...

другие стихи

* * *

Жарко в небе облакам линиялым,
Одурелым, медленным и вялым.
Жалко их, но мне им не помочь...

Надо вместе потерпеть немного,
И широкою волной с востока,
Заливая небо, хлынет ночь.

Вот когда свободная прохлада
Смоет пятна гомона и чада,
В памяти – на глубине, на дне

По сплетающимся звездным нитям
Можно все понять об этом дне.
Потому что он уже невидим...

* * *

Слабо светится на пустыре
Лента длинной глинистой тропинки;
Шаркают устало во дворе
Позднего прохожего ботинки;

Прозвучал и замер у земли
Низкий оклик: "Валя!" (или "Галя"?);
Полминуты чьи-то "жигули"
Попищали под окном, сигнала.

Ночь как ночь. И плотные кусты
Неподвижны... Холодок по коже.
Слившиеся тени так густы...
Нужно что-то пережить! – Но что же?

Что же *ты* не хочешь? – Я готов.
Нашепчи!.. Но, глубоко вздыхая,
Мне не отвечает – нету слов? –
В полудреме полутьма сухая.

* * *

Учись у мира – как он одинаков!
Ему не скучно быть всегда одним.
Качаются метелки диких злаков,
Над крышами плывет фабричный дым, –

Ни о каком развитии-прогрессе
Не сообщая... Библия одна
Навязывает мысль, что в этой пьесе
Какая-то развязка быть должна.

Родиться б на Востоке, стать буддистом,
За колыханьем листьев и стеблей
Следить статистом в созерцанье чистом;
Но там, наверно, тоже все сложней.

Чужую роль не сделаешь своею.
Чего ж теперь... Такая уж "модель"
Дана... Придется уживаться с нею.
– А если я мертвею? – Костенею?!
– Мертвей – решительней!.. "Играй, Адель!"

* * *

Чудо – там, где двое или трое
Просто собрались поговорить
Про политику, про остальное...
Про литературу – так и быть...

И текут пустые разговоры,
Видимо, о полноте души
И свидетельствую... "Час – который?"
– "Брось ты, лучше выпей! Не спеши!"

И, махнув рукой на – между прочим –
Важные, надежные дела,
Даже радуясь, что мир непрочен, –
В сумрачном подполье полуночном
Жизнь – свежа, беспечна, весела...

...А уж если возникает между
Взглядами игра – сквозь шум и дым, –
Чуть попозже – легкую одежду
Слаще – перед *нею*? перед *ним*? –

Сбросить...
– Что жалеть? Чего я стою?
А любовь груба – но и добра...
Лишь доверься ей, прими – такую.
И засни, небритую щекою
К животу прижавшись до утра.

* * *

(1.)

Не хочу ничего домогаться!
Приглядишь, как разгадка проста, –
Мы богаты! Какое богатство –
Вечер, бледная в небе звезда,

Или птица в движении плавном...
И какой непростительный грех –
Подчинять себя целям и планам,
Слепо верить в серьезность помех.

Беспричинно, легко, равномерно
В пустоте – высоте – глубине –
Бьется сердце... И сказано – верно? –
"Не заботься о завтрашнем дне".

Жизнь дана, чтобы с ней расставаться.
Где ты видел победу над ней?..
Так пойми же – мы можем сдаваться
Безмятежней, честнее, смелей!..

* * *

(2.)

Ты живешь не в квартире, а в мире! –
И ему поневоле открыт.
От рассыпанных в стильном эфире
Звезд роящихся – кто защитит?

И какая работа-зарплата
Вечерами сумеет отвлечь
От растрепанных перьев заката?!
– Но не слишком ли пышную речь

На разрыве судьбы, на изломе,
В обступившую ватную тишь
Произносишь?.. А этого кроме –
Предъявить больше нечего?.. Мстишь

Всем потерям своим? неудачам?..
(Вон психолог кивнул: "так и есть".)
– Ну и что ж! – Подоплеки не спрячем
В благодарном признании горячем, –
Это будет – достойная месть!..

* * *

(3.)

Золотые и синие тучи –
Над зеленой и черной землей!..
Луч вечерний, прозрачный и жгучий,
Застывает в воде дождевой.

В сердце – жадное нежности жжение,
Обожание, жалости дрожь...
Как мне выдержать их напряженье?!
Как предельно, смертельно хорош

Каждый миг! – на лету исчезая
И с собою исчезнуть маня.
Не моя, а волшеббно-чужая,
Без меня и со мной, *сквозь* меня

Жизнь струится, стремится куда-то...
Мыслей лопаются пузыри...
Ни спасенья не жди, ни возврата, –
Лишь – веселье, распад и растрата.
Если я тебе нужен – бери!..

* * *

В домохозяйек одышливых превратятся
Школьницы шаловливые и студентки, –
Те, что глядятся в зеркало и гордятся...
Впрочем, на что же люди еще годятся
Кроме того, чтобы все исчерпать оттенки

Возраста?.. Вплоть до последнего – с черной кромкой.
С кожей обмякшей, коричневых мелких точек
Частым узором, морщинок... Попробуй скомкай
Тонкий, бумажный – и снова расправь листочек.
Это и значит: запомнить... И с прядью ломкой.

...Так почему, объясни, в октябре так ярок
Лес, облетая?! – Беспечнее и богаче
Плотно-зеленого (разве светить огарок
Станет сильнее?), – от нас никакой отдачи
Не ожидающий. Просто бери в подарок!

Словно, все лето втайне к цветам ревнуя,
Всеми цветами сегодня расцвел и ожил!..
(Этот ли всплеск – для прощального поцелуя?)
– И согласиться, глядя на их игру, я
Разве могу с тем, что *мы* ничего не можем?!

* * *

Пока в душе, как в коммуналке,
Друг с другом спорили соседи,
Не придавая перепалке
Значенья, на велосипеде –
Потертый, ржавый, криворогий
Руль временами отпуская,
Вихляя, – по пустой дороге
Я ехал загородной... С края

Березы мягко полыхали,
Через непрочные покровы
Пустых полей врывались дали;
А у обочины – в махровый
Цветок репейника свекольный
Пчела залезла запоздало...

И день – просторный и спокойный.
Неважно, бодро или вяло
Послушные крутить педали, –
Нетягостных своих усилий
Изыскивая суть, детали
Сличая, и коттеджей стили...

А радостное умиранье,
Колеблясь легкой пеленою,
Так просит: "Обрати вниманье!
Люби меня! Любишься мною!"

ИЗ КНИГИ

«...другое время...»

(2 0 0 3)

1.

* * *

Одиночества плыли краски –
Бледно-синие акварели.
Обещанья свободы, встряски,
На ветвях мокрый снег в апреле...
Никого они не согрели,
Лишь растаяло полнедели.
Вот и будни – темны и вязки.

Почему же мне брезжит снова
Между споров, хлопот и правил
Глубина простора сквозного? –
Всех мечтаний первооснова!
Или только что я слукавил?..
И тоска вернуться готова.

Невозможность сдавила разум! –
Ни слияния, ни разлуки...
Вот бы кто-нибудь на поруки
Принял тех, кто к тебе привязан!
Заглушил, утолил бы разом
Их желанья, – глупые муки.

...То же самое служит плену,
Что – защите. По всем приметам
Надо просто пройти сквозь стену,
Не ломая стены при этом.
Эти мысли... годы... И нет им
Оправданья! – Куда их дену?

Быть бы – воздухом, хлебом, светом!..

* * *

"евхаристия"

В обшарпанном, еще пустом
Подвале – баре-ресторане,
Вода по жирному перстом
Столу, а взглядом – меж столами,

Ощупывая твердый ртом
Бокала край, точней, стакана,
Внезапно думаешь о том,
О чем задумываться странно...

Ну, скажем, хлеб... По сути – злак, –
Перед тобой лежит на блюде.
Не специально же – вот так?
Он что, хотел?! – Расти, тянуться,

Во мраке прорывая брешь,
Сопrotивляясь непогоде...
А ты берешь его – и ешь.
И никакого чуда вроде

И нет... Чужая плоть, другой
Объект – становится твоею
Рукой, представь себе, ногой!
(Похоже, я уже пьянею.)

Или сгорает?.. И, в расчет
Не принимая грусть и вялость,
Разгоряченная, течет
Кровь, чтобы форма сохранялась...

– За что такой почет?! – Поток
Сырья химического, корма!
Хотя и не на долгий срок –
Зачем сохранна эта форма?!

Бесстыдно-явная – душа?
Во всех, во всем!.. И строишь лиру,
Следя за дамой, что, шурша
Шелками, шествует к сортиру, –

То очарован, то брезглив;
Пока в сознании туманном
Переплетается мотив
С небесной манной (или с Манном)...

Аморфно шарить по карманам:
"А пиво есть у вас в разлив?"

* * *

(Б.Р.)

Женскому мешая разговору,
Напросился к двум блядям подсесть
И *Волишебную* зачем-то *гору*
Долго им советовал прочесть.

И т. д. – Опять я был "в ударе".
Кажется, весь мир хотел согреть –
Нищего в метро, уборщиц в баре...
В общем, лишь бы самому сгореть.

Если б вовремя, на самом деле,
Предложили: "Ради высших благ
Прыгни с крыши – мы бы побалдели", –
Я б, наверно, прыгнул, как мудака.

"А слабб – в жерло горячей домны?"
– Только коньяка еще бокал...
Призрак, что ли, Рыжего бездомный,
Издеваясь, под руку толкал?

Детской склонностью поил к неврозу,
"Кончено, – шептал. – Смелей умри!.."
Под финал одной девице розу –
Не какую-нибудь, а гран-при –

Преподнес. А вдруг сегодня, дура,
Вспоминает? Ждет меня всерьез?
Милая, не верь! – Карикатура
Это всё... кривляние... курьез...

* * *

Проснувшись медленно, устало, тяжело,
Как бы карабкаясь вверх по склону, –
Ты все еще живешь. И говоришь "алло",
Когдаходишь к телефону.

"Да, это я, привет..." – но странен мыслей ход:
Вдруг за меня – другой ответит?
Тон, голос и набор деталей подберет...
Замену вряд ли кто заметит.

Да надо ль подбирать? Чего сейчас хотим,
Чем именно потом продолжим, –
Не знаешь. Может быть, и "я" – не я, каким
Хотел бы... или "был бы должен".

Я просто нахожусь в каком-то месте – где
Исчезновение *мое* ушерба
Густой, растительной не принесет среде, –
Земле, плодоносящей щедро.

То что-то связывать, то снова выскользнуть...
И ни чужою, ни родною
Мне душу не назвать ничью. И не сказать
Кому-то одному: "Будь мною!"

Так сколько же висеть над стылой пустотой?
Вот расплескаться бы – вселиться! –
Стать мальчиком вон тем... и девушкой вон той...
Вбирая все слова, все лица.

* * *

Цветет сирень. И ночи сумрак светел.
И птицы из кустов наперебой
Поют... А я сегодня лишь заметил!
Ходил один и мучился собой...

Сижу, забывшись, в сквере, – в детском game.
Собаки пробегают взад-вперед;
Гуляет голубь прямо под ногами
И шелуху от семечек клюет;

Опрятно-сухошавая старуха,
Осматриваясь, шурится на свет...
Ладонью пробует скамейку. – Сухо.
Садится (все же подстелив пакет);

Без предисловий говорит о внуке, –
Точней, о несогласии своем
С чужой мамашей: "Что кричать, чтоб руки
Не пачкали?! – Когда домой придем,

И вымоем. Пускай сейчас играют!"
– Кивну...
Но тут же – к своему стыду –
Предчувствую, что разговор отравят
Подробности... Помедлю и пойду

Куда-то дальше... Долго за спиною –
Слабеющий качелей тонкий скрип...
И пенистой волною надо мною
Качнутся ветки тополей и лип.

* * *

Эти желтые жирные блики на водах канала –
Нашим чувствам, тем более мыслям, под стать...
Может быть, это все, что душа и желала
Наблюдать?

И действительно, большего – точно не надо!..
И не то чтобы я увлечен
Ощущением разлада, распада...
Этот мир, этот радостный сон –

Существует, пока говоришь, – в нашей встрече, на стыке.
Объясни, что еще может "ждать впереди"?!
Только – с кем это я?.. Маслянистые блики безблики.
Погляди!..

* * *

Можно целую вечность – всего за четыре рубля
Плыть в троллейбусе утлом, сквозь сутолоку, духоту, –
В голове ни одною извилиной не шевеля;
Слиться с рваным сиденьем, молчать и зевать на ходу.

Все равно – ничего не сказать, никуда не успеть...
А когда никуда не успеть, непонятно – к кому.
Перегретое лето, закончившееся на треть,
Запыленно колеблется, тлеет в бензинном дыму.

И за улицей улица – не обещают, скользя,
Ни того ни сего... Как-то жаль, что я их узнаю.
Не забытья случайно настолько (нарочно – нельзя),
Чтоб и вправду хоть раз пропустить остановку свою...

* * *

Далекая молния, как фотовспышка, беззвучна, –
Как будто бы издали кто-то решил этот миг
Заснять. Всех прохожих, которым шататься не скучно
В полпервого, темную улицу и грузовик,

Проехавший с тряскими досками к Рыбинской базе;
Рекламу турфирмы на серо-зеленой стене;
И тех, что курсируют медленно в желтом УАЗе
Вблизи привокзального сквера (понятно вполне –

Зачем... я иду осторожней). – Все это неважно.
Как дремлют деревья в своих городских закутках! –
Коротким омытые ливнем, блестящие влажно...
И слышен простор в тепловозных глубоких гудках.

А лето проходит...
И не удалось искупаться, –
Смотаться хотя бы разок, например, в Озерки.
Казалось бы, мелочи, но начинаешь пугаться –
Как сделались призрачны, дороги и далеки

Простые приятные вещи... А впрочем, в одном их
Нельзя упрекнуть: не они изменили. – Я сам.
Не так ли меняются лица когда-то знакомых,
Забывших друг друга?.. спешащих по новым делам...

Пропавших... Про всех не расскажешь. Наверно, в той мере,
В которой наш опыт не нужен, – он невыразим.
(И думаю вдруг об астматике-пенсционере:
Какой для него это подвиг – сходить в магазин.)

И все-таки – свежая ночь!.. Припозднился и вымок;
Не знаю, что делать; желанья растратил и пыл.
Тем памятных больше деталей. – Прими этот снимок,
Не то чтобы четкий... Как смог, я его проявил.

* * *

Сорванный тонкий листочек потрогай рукой,
Мягкий и темно-зеленый... Но цвет – не такой,
Как ощущение тактильное. Чем же их свяжешь?

Мог – фиолетовым, розовым быть лепестком.
Если закроешь глаза, если плохо знаком
С общей картиной, то не угадаешь, не скажешь.

Ты еще знаешь, что где-то, наверно, трамвай
Слабо звенит за спиною... И не забывай –
Ты еще помнишь: Садовая рядом, Сенная.

Хочешь, смотри: проплывает белесый плевок;
Следом за ним – повернувшийся, как поплавок,
Белый окурок; а дальше бутылка пивная.

Так... Впечатлений-случайностей конгломерат.
В памяти оттиск. Считать ли, что этому рад
Или не рад? – Но и это не очень-то ясно.

Вот бы согреть себя ветром, холодным дождем,
Пасмурным небом, – души расширяя объем!
Вот бы – любить, обнимать, понимать ежечасно...

* * *

Никогда, если честно, теперь уж скорей всего
Не успею усвоить хотя б еще одного
Языка... И это не роскошь была б, не блажь! –
А рождение заново, адреналин, кураж,

Ощущенье свободы!.. Да мало ли? Что скулить!
Никогда, вероятно, не брошу уже курить.
Никогда не увижу того-то – кого-то, в ком
Так нуждался. Но бог с ним. Все-таки – о другом.

С каждым новым "надо" рождается прецедент
Неспособности – затвердевающей, как цемент.
("Замерзает" – о нем строители говорят.)
В результате обижен бываешь на всех подряд –

Типа: этот мешает, а этот не подыграл,
А уж тот – обещал-обещал, да, видать, наврал.
Потому что, наверно, не менее ждал, чем ты –
Пониманья? Внимания?.. Странные мы черты

Постепенно друг другу естественно придаем...
Никогда ничего не сделать вдвоем, втроем,
Кроме – трахнуться или выпить (прости за слог), –
От чего отказаться ни с кем никогда не мог.

И опять это слово... Но незачем пояснять! –
Написать на листочке, перечеркнуть и смять...
Если так дорога – *возможность*, а что за ней,
Нам, похоже, неважно, – не думай и не жалея! –

Дни еще не иссякли. Как журавля в руке,
Как банкноту, возможно фальшивую, в кошельке
(Никогда не проверишь) – заветный держи запас.
Как использовать – кто-то посмотрит, решит за нас.

* * *

Пусть вырастают новые поколения
И выбирают предметы для поклонения,
И обожают какую-нибудь земфиру...
И предъявляют к родителям или к миру

Те же претензии, что предъявлялись ранее...
Обречены на радость и на страдание,
Чтобы потом, сподобившись "понимания",
Жить и любить – собаку, жену, квартиру.

...Жизнь, между прочим, – такая болезнь и мания.
Вот мы – хорошие, слабые, своевольные!..
Утро. Ворота пустые стоят футбольные.
Детского сада решетчатая ограда.

Мне почему-то не скучно сегодня... Боже мой! –
Девушка деловитая в куртке кожаной
Мимо проходит. Ничуть на меня внимания
Не обращая. – Видимо, так и надо.

* * *

К чему немое сводится общенье,
Когда грудной ребенок спит в коляске?..
Почти как вкусовое ощущение
Я узнаю приятность легкой тряски, –

Не объезжаю рытвины и лужи,
Предпочитаю камешки и кочки,
Поскольку сон, как выяснилось, глубже
При прохожденье по неровной почве.

– Когда еще *ему* под синим небом,
Густым, осенним, но пока не стылым –
В быту ли, равномерном или нервном? –
Удастся спать?.. Не называю сыном,

И вообще никак не называю,
Лишь про себя накладывая речь на
Ходьбу... Зевая, что-то забываю...
По кругу – бесконечно, бесконечно...

* * *

Вдруг замечаешь, что заграждена
Привычная для взгляда перспектива
Растущим домом. Бурая стена
С проемами. Не то чтоб некрасиво,
Скорее – неудобно за окном.
И кажется: приложены старанья
Затем, чтобы очередным рывком
Внезапным – увеличить расстоянье
До прошлого.
А впрочем, тот район –
Из длинных блочных девятиэтажек
И наскоро подобранных имен:
Димитров, Дундич, Фучик, Салов, Гашек –
Уже давно во многом изменен...

Возможно, так задумано. В таком
Строительстве, свободном от канонов,
Бесспорно преимущество: потом
При добавленьи элементов новых
Картина не ухудшится, а лишь
Дополнится согласно свежей моде;
Уменьшатся пустоты, и, глядишь,
Из хаоса возникнет что-то вроде
Структуры...

Ну а детские твои
Воспоминанья – тоже ведь не в сфере
"Прекрасного". Спрессованы слои...
Мы на плоту катались в том карьере
Или пруду, которого "уж нет", –
Засыпали. И, странно, сожаленья
Малейшего – не нахожу примет;
Наверно, потому, что впечатленья
Неуникальны здесь под стать домам.
Ненужным оказавшийся, бесхозным
Уходит постепенно в землю хлам.

– И раз уж это место формам косным
Отведено – квадратам и углам,
То можно елям уподобить, соснам –
Живой, жилой, ветвящийся массив!..
Но только кто же скажет: "Здравствуй, племя!.." –
Не после перерыва посетив,
А от проблемы будничной к проблеме
Пристраиваясь к разным временам, –
Невольным соучастником процесса...

Смирившимся с утратой интереса
К тем видам, что откроются не нам.

* * *

Ты мог бы рассказать, как горек мед
В ячеистых многоэтажных сотах,
Но это много времени займет...
О трещинах, провалах и пустотах

Поведать, – в неприглядном неглиже
Явиться мрачным, мелочным и нервным...
Но знаешь, это кажется уже
Неинтересным, хоть и достоверным.

Ты мог бы с данной темой сомкнуть
Осенний город: статуи, фасады,
Порывы ветра, дождевую муть,
И чувство отчуждения и досады

От сумрачных красот его – у тех,
Кто, например, застрял на Невском в пробке,
Зажатый жестко в транспортной коробке.
И двух подростков идиотский смех...

Но хватит Достоевского. С лихвой! –
С Некрасовым. И так в контексте тесно.
Не оживит повтора голос твой.
"Ты мог бы..." – нет, не мог бы, если честно.

Но, видя ежедневно, как борьба
С чужими, близкими, самим собою –
Жалка, и неизбежна, и груба,
Я утешаюсь вот какой мечтою:

Мы вырем. И останутся одни
Веселые, уверенные люди, –
Другие!.. Станет меньше толкотни,
И в мусорной не будут рыться груде

Бомжи... И ту, куда я не шагну,
Где все устроено, светло и чисто, –
Я представляю странную страну.
И пусть она порадует туриста.

* * *

Люди пригнаны к обстановке.
Колорит вбирая картины,
Органичны на обстановке
В полутьме – сутулые спины...

Органичны – голые ветки,
Ветер путается в которых;
Облака в размытой подсветке
И газет потемневших ворох

Под дождем... Я скажу едва ли,
Лично это или безлично. –
Всех связали, скомпоновали,
Или смазали. Органична

Надпись "Пышки Шаверма Пиво",
Стройка – черным застывшим фоном...
И прекрасна – ежась брезгливо –
Дама с радиотелефоном.*

Наконец-то пришла маршрутка!
И садимся, перебирая
Мелочь... Пьяная чья-то шутка,
Невеселая, несмешная.

* В тот период – менее доступный,
чем теперь, предмет.

* * *

Не слушая попреков и обид
С разбором до десятого колена,
Поймать тот ритм, в котором день звучит,
И подыграть ему самозабвенно.

И это так приятно и легко,
Что мы не верим, что имеем право!..
Прозрачный холод. Видно далеко –
Сквозь истонченье формы и состава,

Сквозь облегченье. Пусть бог знает где
Находишься. Смотри, как пятна листьев
Оттенков канареечных и лисьих
В полужастывшей движутся воде –

Так медленно!.. Им некуда спешить,
Как и тебе в твоём быту разбитом.
И ничего не тщишься совершить
Особенного в будущем размытом.

А только, например, дышать. Опять
Своим существованием давать
Невольные кому-то обещанья..
Их с неизбежностью не исполнять..
И все, что предстоит еще понять, –
В *масштабах* – отчужденья, обнищанья.

* * *

"Подай, Фелица, наставлень!" –
Как быть расчетливым и щедрым
Одновременно?! – Чтоб стремленья
"Высокие" в порыве тщетном
Не расплескались, став примером
Дурным, – пятном на идеалах...
Как приловчиться к полумерам
Тому, кто "твердо отвергал" их? –
К маневрам, вывертам, извивам...
Как навести в делах порядок?
Как видеть (кстати!) мир красивым
Без романтических повадок,
Без ощущения надрыва? –
Когда упрямо, терпеливо
Пытаешься успеть хоть что-то...

Во всем – бардак! Везде – болото!
И вроде мокрого картона –
Пространство рвется, разбухает...
Надежда с треском потухает...
Часы уходят монотонно...

На сумрачном ночном балконе,
Чужие вспоминая лица,
Сжимая скользкий снег в ладони, –
Как не озлобиться, Фелица,
На тех...
– За что? За их желанья?
(Чем больше дашь, тем больше должен.)
На тех – кого, и вправду рая,
Ты обнадежил. Кем отторжен,
Как тот – Молчацкий или Чалин?
Так странно все перемешалось!
Измучен ты или печален –
Не стоит уповать на жалость...

"Умеренность и аккуратность",
Хотя у нас и не в породе, –
Милее, чем судьбы превратность!

...Или причина лишь в погоде?
Сырые, липкие сугробы..
Полтретьего. И транспорт вымер.
Отчайся! – Это лучше злобы.
И значит, нам оставлен выбор.

* * *

Самолет, мигая, улетает
В темном небе красным огоньком;
Кто-то, улетая, наблюдает
Золотистый город под крылом, –

Собранные из набора Lego –
Что хотя бы сверху умилить
Могут – домики на фоне снега
И шоссе тускнеющую нить...

А потом, как в рыхлой простокваше,
В облаках – погаснут без следа
И строенья и стремленья наши,
Этот и другие города.

А потом еще – лишь два кристалла
Инея в окошке разглядишь;
И назад откинешься устало,
Не интересуясь, что летишь.

И слабей в салоне освещенье...
И спокойнее гудит мотор...
Как мне нравились перемещенья,
Приключенья! – Видимо, задор

Испарился. Временной заменой –
Все они волнуют и влекут
Меньше, чем банально-несомненный
Размышлений повседневный труд

Об одном и том же. Погруженье
В разные заботы с головой...
И надежд – забвенье и крушенье.
Я готов признать, что лично мой

Мир становится бедней и уже.
Это значит: хуже – и не смей
Приукрашивать. Но почему же
Всматриваться хочется сильнее?!

2.

* * *

День проходит, жизнь проходит –
Заведен круговорот.
Кто-то что-то производит,
Кто-то что-то продает.

Люди сердятся, стыдятся,
Суетятся и т. п.
Аналитики следят за
Ростом цен и ВВП, –

Актуально говоря о
Том, что завтра же – с нуля
Изучать... Качнется РАО
Сотню раз до февраля*;

Сотню раз в газетах разных
То и это сообщат;
Сотни разговоров праздных,
Не меняющих расклад...

Как надрыв электродрели
За стеной по выходным,
Все давно бы надоели –
И знакомым, и родным!

Но с годами и с делами
Между всеми – крепнет связь.
Потому что, по программе
К сохранению стремясь,

* Имеется в виду колебание
курса акций.

Чем еще себя упрочишь?
Пропадают пыл и прыть...
Вообще-то – что ты хочешь
Разъяснить или открыть?

– Ничего. Пеняешь Слову,
Словно в самый *первый* раз,
За солому и полову,
За себя – за них – за нас...

За "блоху мадам Петрову,
Что сидит к тебе анфас".

* * *

Зачем одни и те же повторять
Ошибки, – наступать на грабли? –
Вполне намеренно себя терять,
А после, заклиная: "крбли-крабли",

Мечтая пленку отмотать назад,
Приравнивать к вселенской катастрофе
Свои грешки, похмелье и разлад.
И сумрак тошнотворно-розоват...
Ну, успокойся! – Выпей кофе

В кафе... Смотри: теснятся у стены
Тележки, сумки, упаковки;
Под звуки мутной радиоволны
Считают выручку торговки;

Под окнами седые *синяки*
Сосут боярышника склянку...
Мир не исчез!.. Вокруг – ларьки.
Машины заезжают на стоянку...

Внутри и вне – как эклектичен стиль!
Столы из пластика трехноги;
Шаверма, чебуреки, кура-гриль
И обрусевшие хот-доги;

И наводить порядок не с руки.
"Жить – весело!" Известен способ
Об этом вспомнить... Жгутся огоньки
У барменши в глазах раскосых.

И никакой не надо чистоты, –
На вид не отличить живых от
Все время умирающих, как ты.
Но где же выход?!.

.....

– Скажи, в чем снова силы почерпнуть
Для продолженья, если я не стою
Твоих Щедрот?! – и если зачеркнуть
Все сразу жирною чертою –

Нельзя?..
Вот так встречаешь Новый год.
И так же проведешь, наверно.
И он, как говорится, "настает" –
Тяжеловесно. Планомерно.

* * *

Слегка подтаяли сугробы
Январской призрачной весной.
Порывы ветра не суровы,
Хоть облаков разметан строй.

Какая щедрая погода!
За что нас баловать? – а вот
За просто так! – ее прихода
Не стоящих... Среди забот,

И неудач, и неурядиц,
Блуждая день за днем в тени,
Утратив гонор и румянец, –
На небо искоса взгляни

Случайно. Издавна знакомый
Простор белесо-голубой,
Разлившийся наркотной комой...
Как жаль, что кануть с головой

В него нельзя!.. Зачем, томленье
Лишь увеличивая, влечь?!
Надежды ли возобновленье?
Нет. – Не о будущем же речь.

...О том, чтобы на миг истому
Пронзила ослепленья резь –
Что счастье и дано, такому,
Каков ты есть! – И только здесь.

* * *

(1.)

Томится плоть, разделена
На миллионы тел,
С волной сливается волна,
Не зная, где предел

Тоске. Смывая имена,
Стирая стыд и страх...
И если в чем-то есть вина,
Наверное – в словах.

И странно сознавать, какой
Бываешь красотой
Отравлен. Женской ли, мужской?
Людской ли? (– ой ли...) Той

Тщетою рекламы щитовой,
В которой стройность ног
Должна лишь подчеркнуть собой
Достоинство чулок.

Точней, колготок. Или – вот
Неологизм: *колгот*.
Читаешь – оторопь берет.
Но лексика не в счет...

Так даже лучше. Пусть сочной,
Вульгарней будет вкус,
И взгляд фарфоровых очей
Фотомодели – пуст,

И жизнесмерть – в одном лице.
И стылый блеск воды...
И блядства грация в венце
Либидо-лебеды.

И тянет глянцева гладь
Истаять в эту статью –
Где станет нечем обладать
И нечего отдать.

* * *

(2.)

Прекрасно тело! – словно мук
Ему не суждено.
"Скрещенья ног..", "скрещенья рук..."
И все, что между. Но
Спокойно посмотри вокруг:
Найдешь ли хоть одно?

Всё – лица. Женщин и мужчин,
В сомнительном своем
Разнообразии, – в один
Слипаясь плотный ком...
Самодовольство без причин,
Усталость и надлом.

Фигуры нищих и старух,
Отброшенных, как шлак.
Неужто мир и впрямь разбук
Людьми чрезмерно?.. Шаг
Ускорь. Промерзший город глух.
И ветер – как наждак.

– Как всех пристроишь? Как сомкнешь
С эстетикой твоей?
Но раз уж ты живую дрожь
Желал жалеть, жалей
Ее во всем – насквозь и сплошь.
Куда ж еще живей?..

* * *

(3.)

Не чей-то, *твой* ребенок. Вот –
Шесть месяцев... Сидит.
Смеется, тянет ноги в рот,
Кричит, играет, спит...
Немного вздувшийся живот, –
Для северных широт
Вполне естественный рахит,
Но в целом – бодрый вид.

И ясно: нет вины на нем...
И потеряло вес
Все то, что пушено под пресс
Реальности, – на слом.
Жизнь перевернута вверх дном,
И времени в обрез...
Распоряжения небес
Суровы. – Поделом.

...Пойдут ли жертвы впрок и в толк?
А в общем, что с того?..
Смотри: и это существо
В повальное родство
Включили – новобранцем в полк.
И – скользкий холодок
Резонных назиданий: "Долг! –
Люби, люби его..."

* * *

Захочу – так сам тобой я буду...

"Захоти, попробуй!" – шепчет Дама.

И. Анненский

У Филиппа Киркорова – вид андрогина...

(Не насмешка ничуть! – комплимент.)

Разберешься ли, женщина или мужчина?

Пятый – или какой? – элемент...

Вот бы в платье одеть, – все сомненья рассеяв.

Или – длинным снабдить париком?..

Ну, конечно, не то что Борис Моисеев

(Много лучше!). – Зацепка в другом:

Помню, в Бхагаватгите в дешевом издании,

Что какой-то мне дал кришнаит,

Кришна так же смотрелся (олени и лани –

По бокам). И меня не тошнит

От смещенья, смещения *иня* и *яня*.

И помимо затасканных тем –

Излученье какое-то, даже сиянье

Есть... Загадка, занятная всем.

Чтобы точки расставить над *i* – я и сам бы

Был, наверно, так выглядеть рад. –

Тут вторгаются ритмы меренге и самбы

И латиносов пестрый парад,

И двупольный меж ними, двусмысленный Эрос...

Мы бы много придумать могли,

Если б смели... А как же Сталлоне, Бандерас?

Или тот же Брюс Виллис (и Ли)? –

Безупречные мачо, надежные парни, –

Вот в ком сила мужская и стать

Соблазнительны... Впрочем, как тесто в пекарне...

Если б всё, размешав, воссоздать

Было можно! – В нарядах, и в масках, и в позах
(Лозах, дозах) – единый мотив
Обновленья! Стремление в метаморфозах
Возродиться, себя позабыв!..

...Ведь по-прежнему жаль (нет – чуть-чуть по-другому),
Что исчезнем, растаем как дым.
Если б в Смерть превратиться, – и в Страх, и в Истому! –
Превратись!.. ("Шикыдым-шикыдым".)*

А еще иногда – когда следуешь мимо
Всех раздумий, с движением слит, –
В суете – беззащитно и неуязвимо
Где-то Музыка тихо звучит.

* Из припева турецкой эстрадной песни, в русском варианте исполнявшейся Ф. Киркоровым.

* * *

Вертинский – Анненский для бедных
(С экзотикою Гумилева,
Но без его бравад победных),
Во всем – Тоска, и все – лилово.
Еще Поплавский, Северянин
Примешиваются... Так что же,
Картав, сиренево-туманен, –
Вертинский мне так дорог?! (Боже,
Где вкус?..)

Болезненно-слащавы,
Слезливо-трепетны, куплеты,
Как для кровавого борща вы
Тех лет – сгодились?! Как билеты
Печатали и продавали? –
И слышно же с магнитной ленты,
Какое замиранье в зале,
Как искренни аплодисменты!..
Или и впрямь за возвращенье
И за прощенье тем и слога
Другой ценой помимо пенья
Платил? – Не нам судить их строго?

...И вдруг – вне логики и правил –
Мысль дикая: "В двадцатом веке
Из всем известных лиц картавил –
Кто?!" – Не поднять ли Вию веки?..
Представь на миг, что совпаденью
Мы подсознательно и рады...
И пусть изломанною тенью
Вождь *'эволюции* с эстрады
За все кошмары и пропажи –
Плаксивым голоском подложным
Споет о декадентской лаже, –
О жалком, нежном, невозможном...

* * *

Ночь. Мороз. Пустота. Тишина и луна...
Расшалились нервишки у Псиши,
И в сомненье – жива ли она? спасена? –
Жадно ждет подтверждения "свыше".

И когда б сообщили ей точно, что *нет*, –
Всё бы кланчила, всё умоляла! –
Хоть какой-нибудь слабый включите – но свет!
Или райского запись хорала!..

Только отсвет латунный луны ледяной,
Бесконечным молчаньем пугая,
Намекает: "Легко тебе было одной? –
Потерпи-ка теперь, дорогая..."

– Я на эти томленья, присев в стороне,
Посмотрю... Чтобы знаки расставить –
Это *ей* вечно хочется, – ей, а не мне –
Раствориться, отдаться, растаять!..

Это ей – ничего не хватает ни в чем!..
Это ей – никакого запрета
Не усвоить!.. А впрочем, и я вовлечен:
Это *я* – отвечаю за это...

И поэтому я и отвечаю: окстись! –
Разве мертвые – плачут капризно?!.
И не стыдно тебе так стремиться спастись? –
Забронировать "ныне и присно"

Персональный свой пропуск – на склад, в закрома,
Где насытишься Силой и Славой...
Вот бы лучше поверить, что гибель сама –
Не случайность, а Промысел правый.

* * *

...и вот по волнам носится тушканчик
с большим стаканом в северной руке...

А. Введенский

Недоуменье. Похоть. Страх.
Три составляющих – не боле...
Не согласишься поневоле,
Когда найдешь во всех стихах

Лишь этот фон! – Неужто нет
Еще чего-нибудь?! – Хотя бы
Сочувствия?.. Но искры слабы;
Везде – нелепица и бред.

Да и за смертную чертой
(Почти что стертой) бог-тушканчик
Куда-нибудь от нас укачет
"По волнам" вечности пустой.

Не так ли с призрачных орбит
С усмешкой бледною Введенский,
А может быть, с улыбкой детской, –
Нам долго-долго говорит?..

И вряд ли толком возразишь;
Он – как бы заживо умерший,
Оживший замертво, – умевший
В бессмыслице сновать, как стриж, –

На мир, как на ошибки плод,
Поплевывая... Он же гностик!
Поймал? – Но вновь, расправив хвостик,
Летит, куда его несет.

И все-таки порой свежи
Слова, встречаясь для разрыва!
В них что-то движется и живо!..
Есть связь. Попробуй развяжи.

* * *

Вот мы страдаем и горим,
Об этом пишем без утайки, –
А в магазине маргарин
По имени "Мечта хозяйки"

Мечтательных хозяек ждет...
И на творожном с ванилином
Сырке – все так же прочен лед
Под нарисованным пингвином.

– И разве хуже, чем твоя
Знобящая полусвобода,
Защита от небытия –
Надежность быта, обихода?

Что в ней пугает? Что претит?
Каких недостает реалий? –
Поди-ка объясни!.. Трендит
С прыщавой продавщицей Валеи

Досужий хахаль; и галдят
В дверях три пьяные узбека...
Нет-нет! – не стоит строить ряд
"Ночь-улица-фонарь-аптека".

Ты – здесь...
Затем, чтобы, как встарь, –
Теперь – в коробочках *квадратных*
(След изменений безвозвратных) –
Купить "сыр плавленый Янтарь".*

* Когда-то "Янтарь" продавался
в *круглой* таре.

* * *

На снегу – следы и тени,
Ветки черные застыли;
А кусты в переплетеньи –
Плотно-серыми, густыми

Выступают островами...
Воздух – чистый, чуть согретый
Чьими-то вдали словами
И горящей сигаретой.

Да еще – в сугроб, на отдых,
Ровным всё скользят потоком
Хлопья в розовых разводах
По квадратам рыжих окон.

И, порядок принимая,
Я иду, куда жилия
Улица ведет прямая, –
Ничего не ожидая...

* * *

Не облако. – Труба электростанции
Широкий в небе расстиляет след;
В кармане куртки мятые квитанции
Лежат за отопление и свет...

Но так легко идти, и сладко дышится,
Хоть на минуту все полузабыв!
И время плавно-равномерно движется,
А ты ушел – в прорыв или в надрыв.

Всего-то нужно: оптимизм умеренный
И деловито-сумрачный настрой.
Вон тепловоз ползет, в себе уверенный,
По круговой дороге грузовой,

Посвистывая за домами дальними,
Подобренными в ряд и в серый тон, –
Где столько всяких – с кухнями и спальнями –
Квартир, компактно спрятанных в бетон! –

В которых жизнь дробится мозаичная;
И каждой части отведен объем...
Но я бы проголосовал за личное
Участие, и сразу же – во всем!..

– Чем кончится, не предсказать заранее.
Вокруг – такая пасмурная тишь...
Успей хотя бы выразить желание –
На случай, если не осуществишь.

* * *

Прекрасное – что неизбывно нам
Мерещится, впотьмах мелькает смутно, –
Как будто есть!.. Как будто где-то там
По ходу дела строится подспудно

Тот лучший мир – без боли и вины, –
Где насладимся бесконечной встречей!
Где все желанья объединены
Без предпочтений, без противоречий

И, соответственно, без всяких норм...
Где нам ничто друг в друге не наскучит,
В неисчерпаемом рожденье форм –
Где каждый вновь захочет, вновь получит...

Короче – рай. "Ведь мы!.. ведь ты!.. ведь я!.."
Но этим-то встревоженный соблазном,
Недоброкачественность бытия
Высматриваешь всюду взглядом праздным,

Ни с кем в конечном счете ни о чем
Ни согласиться, ни договориться
Не можешь. Каждый собственным ключом
Открыть мечтает вход. И так дробится

Заветно-пресловутый *идеал*
На мириады пристальных корпускул...
И кто-то их в пространстве разбросал
Мерцать упрямо стылым сходством тусклым.

* * *

О, какие порою мне снятся –
Если б мог рассказать! – города...
Как дома прихотливо теснятся!
Как сверкает в каналах вода!

Как свежо!.. Так бывает лишь в марте,
Но южнее. А впрочем, лишь *там*.
Соответствий не сыщешь на карте, –
Не Венеция, не Амстердам.

Нет, иные пространства и дали, –
Ярче здешних. На то ведь и сны...
Пусть потом уточнятся детали, –
Мы с тобой после смерти должны

Там – проснуться... И все остальные.
Ведь примерно о том же – представь –
И в психушке бормочут больные.
Кто поймет, кто оценит их явь?!

Утешение – верю – не ложно.
Но догадка смущает одна:
Будет встреча (любая!) возможна,
Но, возможно, уже не нужна...

* * *

Дождь накрапывает слабо,
Тихо-тихо, сладко-глухо,
Без размаха и масштаба,
Утешительно для слуха...

И душа вполне согласна
В этот час, что мы простые
Люди, – что живем напрасно, –
Не герои, не святые;

Что на это глупо злиться...
Помоги же! – дай всецело
С темнотою теплой слиться.
Не поможет, вот в чем дело!

...И разнеженно и живо
Чуть дрожит листва сырая,
Влагу сонную вбирая, –
В ожиданье замирая
Ветра свежего порыва!..

* * *

Я живу очень странно; делаю очень мало, –
Каждый день утешая себя тем, что "есть движенье вперед";
Понимая, что время давно меня обогнало
И ему другой не навяжешь ход...

Думаю постоянно "о чем-то своем", с упором
На какой-то особый способ, тому под стать
Человеку, что мастерит себе аппарат, на котором
Собирается вдруг взлететь и все наверхстать.

Или скажем точнее: свой монгольфьер дырявый
Не заштопать, не накачать. Да и ветра, похоже, нет...
Уж пустился бы в путь как положено, "левой-правой".
– Только все-таки, в чем состоит предмет

Рассуждения?.. Как не стыдно! – Кому, помимо
Недовольных "родных и близких", интересно, как ты живешь?! –
Безответственно, глупо, бездарно, непоправимо!..
Осознай всю ничтожность действия и помножь

На ничтожность субъекта – отдельного человека,
В миллионной массе затерянного людской, –
Где любому так же нужны – иллюзия и опека...
Копошенье свое называть "судьбой"

И считать себя – как там? – "личностью" – суетно, некрасиво!
Архаично!.. В конце концов, остается лишь
Все, что видишь вокруг, в настоящем – без связи и без разрыва...
Так вот, кажется, и взлетишь.

* * *

Слово за́ слово... Так появляется миф.
От него ответвится другой...
Как упорный и хрупкий коралловый риф
Под бесформенной зыбкой водой.

Он вбирает в себя ее силу и соль,
Блеклых волн и разбег и напев,
Проникающий в толщу луч солнца косой...
И растут острова, отвердев!..

– И рисунок случайный уже навсегда
Неизменен и неотменим!..
И ласкается пенно, и злится вода,
Припадая к пределам своим.

Что здесь больше похоже на жизнь? что – на смерть?
Там, где не было прежде опор, –
Опереться... И снова – отсюда – смотреть
В беспокойный, пустынный простор.

ИЗ КНИГИ

«За отсутствием»

(2005)

* * *

...Этот полный, тотальный покой,
Что приходит, когда уже нет
Ни надежд – ничего под рукой.
Неземной, ослепительный свет!

Я не стану тебе объяснять
Почему... Не гордясь, не стыдясь
Оттого, что возникло опять
Это чувство. Последняя связь

Между мною – тобою – Иным...
Солнца пятна и бабочки взмах!
Хорошо, что мы таем как дым
На глазах друг у друга, в руках.

* * *

Девушки широкая спина
В куртке кожаной... Сейчас заплачу...
– Цель высказыванья неясна.
Впрочем, продолжаю наудачу,

Как-нибудь пройдет. Моя вина –
В том, что никого, кто был бы рядом,
Не могу... Какая-то стена
Возникает. Отрешенным взглядом

Хорошо следить издали.
Или так – вблизи, но незнакомых...
Хорошо бы выпить коньяка...
Вот бы всех – хорошим коньяком их

Напоить! – чтоб говорили вздор,
Чтобы ни на миг не прекращалось,
Чтоб нескромный, распаяясь, взор
Пропускал обрюзглость и прыщавость...

Вспомнил! – Бывшая жена моя
Почему-то мне грозила *Стрельной*.
Почему-то – Стрельной. Точно... Я,
Испытав с ней вместе страх смертельный,

На такси поехал и искал
Тело. Мертвое. – В заросшем парке.
На стене зеленой надпись: "КАЛ".
Видишь, как циничны эти парки...

Говорила: "Там – моя сестра!"
(Как бы смерть.) – Поздней в каком-то фильме
Видел что-то сходное. Пестра
Память... Верно, я гулял и пил, не

Беспокоясь, в сущности, о ней...
О, как медленно текли минуты
Спутанных дорожек и аллей,
Зарослей шиповника, цикуты!

Ладно... Я хотел бы – не о том.
Это все – шантаж и паранойя.
Собственный у каждого дурдом.
Мало ль в жизни мусора и гноя?..

Пусть всем будет, будет хорошо!!.
(Только бы не вспоминать про сына.)
Боже мой... как холодно, свежо...
Улица осенняя пустынна.

* * *

Вселенной бледные огни
И города ночного звуки.
Бесплотно длящиеся дни...
Но я гоню мотив разлуки.

Что с ней сейчас? – Жива? Мертва?
Не знаю. Спрашивать не смею.
Ни рабства больше, ни родства...
А что могло случиться с нею?

Все, что угодно. Как со мной.
И ни опеки, ни защиты;
Лишь небо – синею стеной.
И, в общем, все друг с другом квиты.

А главное, пиши: *"она"*
(Не *"ты"*). – Используй это слово,
И горечь не всплывет со дна.
И, в общем, *"ничего такого"*.

"Она" – как силуэт в любом
Окне светящемся, на кухне.
И не шепчи, прижавшись лбом
К стеклу: *"Забудь, прости... потухни"*.

* * *

Смотрел кино про Жукова – и плакал.
И сам не понимаю почему...
Покрытые хрестоматийным лаком
События. Ушедшие во тьму,

Сияющие тягостною славой, –
Базальтовой остывшей глыбы срез,
Недавно бывшей пламенной лавой...
Громоздкий исторический процесс

Рождает чувство головокруженья! –
Безликих жертв бессчетные ряды,
Материков смещение и крушенье...
И страшно вдруг подумать: мы горды

Лишь этим. Больше – нечем. Будто снова
Резервы танковые входят в бой,
С другого фронта снятые ("Степного"), –
Направленные твердою рукой.

* * *

Один – спивается. Другой вот-вот свихнется.
Уже не страшно, и еще не больно.
И каждый хорохорится, смеется...
Зачем в *такую* пустоту обойма

Расстреляна?.. Что третий? – В летаргии.
Задавлен бытом полностью четвертый.
Любимые, родные, дорогие,
Пошли вы к черту!.. Не волнуйся, к черту

И ты, и все – пойдут. Без пожеланий.
Кричать ли ветру "дуй!", когда он дует, –
Других не оставляя ожиданий.
И всех виновней тот, кто негодует.

* * *

Ларьки, что бойко торговали
Вчера, – сегодня снесены;
И тают в памяти, – в провале.
Их нет... Дожить бы до весны! –

Неся в себе свою простуду
(Подозревая в сотый раз
Чего похуже...). Всё, повсюду,
Меняется, не видя нас.

И некого призвать к ответу. –
Дождь, снег, асфальт, бетон и жечь.
Устало гасишь сигарету...
Спасенья, вероятно, нету.
А впрочем, может быть, и есть.

– Но мы об этом не узнаем.
И если будем спасены,
Не вспомним ничего за краем
(Мир в целом, видишь, – неспасаем).
Дожить бы все же до весны!..

* * *

Я бы мог обрисовать примерно
Женщину, что мне бы подошла...
Как ни липнет бытовая скверна
К этой теме. – Да, она пошла:

Тут же веет песней ресторанной, –
Типа *"девушка моей мечты"*
Словосочетаньями. Но странной
Прихотью я связан – как и ты –

С общей проблематикой убогой.
Ну, не брезгуй пробами. – Вперед!..
Жаль, что, сколько тел ни перетрогай,
Опыт меньше даст нам, чем берет.

И с конкретной – машей-люсей-ирой –
Сразу – разгадаю ли, пойму?!.
Тратить годы? Рисковать квартирой?
Хватит! – Было. Господи, клонируй
Образ по заказу моему!..

– Что ж, какой?
"Серьезная?" "Смешная?"
"В нашу общность верящая до
Глупости (о будущем не зная)...
Без претензий, планов на «гнездо»

И стремленья подчинить?" – Но плоско,
Отвлеченно, мелочно звучит!
Кажется фантазией подростка...
Или продавщицей из киоска...
Растекаясь, изменяет вид...

Или все и вправду догорело?
Лучше уж ни с кем – не жить, не спать.
Как ни грустно, злиться надоело! –
Потакать, надеяться, искать,

Жертвой выступать самообмана.
И вполне серьезна – и смешна
Обреченность... "Где ты, донна Анна?" –
Полная Гармония, Нирвана,
Галатея, Ева!..

– Тишина.

* * *

Молчаливо толпились березы.
Ободряюще сосны краснели.
Чуть подальше, от снега белесы,
Ровным строем тяжелые ели

Подступиться к себе не давали,
Сном окутаны колко-шершавым.
С неуклонною твердостью стали
Шли широким по просеке шагом

Мачты ЛЭП – геометрией рея
В стылом воздухе, слабо смягченном
Низкой тучею, ставшем сырее, –
Отягченные проводом черным.

Шум движения... Край лесопарка.
Хорошо постоять, не плутая.
Из сугроба торчащая палка
Что-то напоминает. – Ах да, я

Видел осенью: кладбище кошек
И собак близлежащих кварталов;
Между двух искривленных дорожек
Этих, нынче затоптанно-талых,

Возле бензоколонки, стоянки,
Забавляя скорей, чем тревожа, –
Небессмертных любовей останки:
"Верный Шарик..." "Наш милый Тимоша..."

* * *

"Любовь-любовь..." Превыше всех
На свете сил! – Не потому ли
И нету шансов на успех,
И все надежды потонули?

Один лишь Бог, как говорят,
Всесилен. Значит, молчаливо
Всех любит, благостен и свят.
Любовь – Его прерогатива.

А нам осталось на волне
Сомнений-разочарований
Качаться... Я держусь вполне
Политкорректных толкований?

– А если нет, так убеди
Примером, а не назиданьем!
Да бог с ним. Просто пониманьем
Утешь – чужих людей среди.

* * *

Уж если ты "блудник и мытарь",
Курильщик, пьяница и гей, –
Душой усталой и немойтой
Себе подобного согрей.

Покуда не дошел до точки, –
Еще звони, зови, встречай!
(Покуда печень или почки
Не отказали невзначай.)

Пусть замыслов первоначальных
Не вспомнить. – Темноты покров...
Бесцельных, долгих и печальных,
Счастливых все же вечеров

В чужих объятиях тяжелых
Не предавай, – шепчи: "Я твой!"
И время утекает в желоб
Холодной влагой дождевой...

* * *

Стираются воспоминания
О кратком – в полутьме – доверии,
Друг друга вытесняют серии
Сближения и расставания;
Экстазы Лады и Валерии...
Издержки недовоспитания

Семейного... С другого полюса –
Стабильный быт. Субботы дачные.
Надежность страхового полиса
За обещания горячкие.
Расчеты, склоки, мысли мрачные,
Лицо знакомое, слепое за
Стеною выстроенной.

Где же нам
Приткнуться, жадным и изнеженным?..

– Но мне порой бывает дорого
Бесхитростное обращение
Без всяких перспектив общения, –
Реалии большого города:

"...Один. Без сдачи". – Что тут нежного?
И все-таки, и тем не менее –
К протянутой ладони вежливо
Прохладной – миг прикосновения.

* * *

Осмыслить жизнь как таковую,
Внести значенье в каждый жест,
Принять рутину бытовую,
Не опасаться общих мест,

Все делать заново и снова,
Как бы впервые, и т. п. –
Увы, не легче, чем любого
Любить прохожего в толпе.

Красивых лиц не выбирая...
В метро, к примеру. Ты б хотел?
Девушка хмурая, рябая
Напротив... Дорожи хоть тем,

Что отвращения нет и злости –
"Вот, я стою, она сидит";
Что за столом в заздравном тосте
Хоть с собутыльниками слит;

Что март уже не за горами;
Что есть в неделе день седьмой...
Что серый свет в оконной раме
Расплывчатыми вечерами
Чуть синим кажется зимой...

* * *

Только синее небо над нами...
Облаков остывающий дым.
И заката далекое пламя,
Затененное пеплом густым.

Только волны невольной печали.
Только – встреча...

И, не утаив
Комментариев и примечаний, –
Пояснений моих и твоих,

Для того лишь пригодных, пожалуй,
Чтоб сказать, что они неясны, –
Слышать шорох, ступая по ржавой
Тишине прошлогодней листвы.

* * *

Мне снился сон... Возможно, он
К дурным относится приметам:
Я был как будто расщеплен
Со всех сторон идущим светом.

Но этот наблюдать распад
Мне почему-то было сладко.
И я был рад вдвойне – что рад
Исчезновению без остатка.

И даже кто-то пояснял:
"Вот видишь, все соединилось!"
И мир струился и сиял...
– Как рассказать, скажи на милость,

То, что рассказано давно? –
Мое свидетельство едва ли
Весомо. В пыльное окно
С восходом прямо проникали

Лучи...
Сейчас – другая ночь.
Далекий, дряблый лязг трамвая.
Шуршит отклеившийся скотч
От рамы. Фура грузовая

Проехала... И "долго ль ждать?" –
Вопрос, как прежде, нерешенный,
Пока – апрелем воскрешенный –
Комар не устает жужжать.

* * *

Я так хотел бы поблагодарить
Без всякого подтекста и подвоха
За то, что мы умеем говорить! –
Хоть этим даром пользуемся плохо.

И все же, кроме этого, увы,
Мы больше ничего и не умеем;
И будем жить, пока не онемеем, –
Отчасти, может быть, уже мертвы...

Тем более, какая благодать –
Не беспокоя беспросветных истин,
Почти что вторя шелестящим листьям,
С приятелем давнишним поболтать!

И кстати, неизвестно, что важней, –
Возможно, "форме" служит "содержанье",
И наши мысли – лишь для поддержанья
Модальностей, склонений и корней...

– А в общем, это вовсе не к тому,
Как дорожим *великим и могучим*, –
Которому прилично не обучен
Ни я, ни ты. – И я тебя пойму.

* * *

Предмет стихов и кинолент,
Неистребимое томленье,
Сомнительный эквивалент
Бессмертия – совокупленье.

Когда один и "пьян давно"
(Уже неделю, для примера),
Влечет, пожалуй, лишь оно –
Не философия, не вера,

Лишенные округлых форм,
Не осязаемые взглядом.
В мозгу клубится хлороформ...
И женщины проходят рядом

Одна прекраснее другой!
(Видать, на службу. – Торопливо.)
А ты – бездельник и изгой
И начинаешь утро с пива.

И чувствуешь, как жизнь права!
И воздух свеж, и листья клейки...
И буйно разрослась трава
Вокруг заплыванной скамейки.

* * *

Смеялась, голову закинула,
И полумгла светилась телом;
Поближе рюмочку подвинула
И отпивала между делом

(Каким – понятно). Ни брутальности,
Ни сальности не вижу в этом.
Приятно-милые банальности;
И пахло вечером и летом...

Веселая, едва знакомая,
И – вот что главное – моложе!..
В такси везти ее до дома я
Не должен, и не буду позже

Томиться из-за расставания.
Зачем нам знания и таланты?
Зачем стремленья и старания?
Я просто член мужской команды,

"Играю роль" – ну и так далее.
И, видно, большего не стою...
Зачем же, под конец, рыдания? –
"Побудь со мною!.." "Будь со мною!.."

* * *

На выбор: сила есть и слабость.
Пусть этот слог и нарочит, –
Тут не случайна рифма "*сладость*".
Но сладость иногда горчит...

А впрочем, если б не горчила,
То не было б соблазна в ней, –
Была бы в силе – только сила,
И мир бы стал еще страшней.

...Я помню унижение-гордость
И фраз язвительных извив;
И чьи-то губы, чей-то голос
В душе останутся, остыв...

И вятен смысл в безумном риске
Все совместить и воплотить!
(И за подобные изыски
Придется дорого платить.)

* * *

Я испытал не раз – и непровержимо,
Что можно захмелеть с одной лишь банки джина,
Когда весь день – тоска, хоть прямо лезь в петлю!
Вновь хочется сказать, что "я тебя люблю!" –

Но некому. И вот придумываешь, кто бы...
И мысли в пустоте плодятся, как микробы:
Соседка, например, зашедшая вчера, –
Вполне себе мадам, но несколько стара –

Поставила вопрос по поводу протечки...
И несколько строга, – не вышло бы осечки...
Поверь мне, это все – не пьяный бред и не
Попытка щегольнуть цинизмом, что, по мне,
Давно себя изжил!

Но как изменишь тон,
Когда известно то, что чувствуешь потом?

– Вот если б кто-то мир туманом весь окутал
Столь мягким и густым – чтоб, не противясь путам,
Друг друга находить на ощупь и впотьмах
Не разбирая лиц... Одно сплошное "ах!".

* * *

"Там вдали за рекой..." – Какой?
Никакой тут нету реки.
Если хочется очень – спой
Смыслу здравому вопреки
(Если жалостливый настрой...)
И чуть-чуть себя развлеки.

Или вспомнилось "там вдали"
Потому, что огни зажгли
За проспектом? И там – забор
Краской выкрашен голубой.
До недавних я думал пор,
Что виднеется водоем
Длинной узкою полосой...
(Возвращался в такси домой,
Ехал мимо. – Какой облом!)

– Или просто хрустально-чист
Нынче вечер, ясны цвета.
Эта синяя высота!..
(Всё кого-то ругал таксист...)
Как-то кажется неспроста
И тревожен – сплошной покой.
Там вдали... вдали за рекой.

Ни реки здесь нет, ни моста.

* * *

(1.)

Вот заснуть и проснуться бы завтра же в "Царстве Небесном"!
Потому что – хоть это, наверное, гордость и грех –
Остальное давно уже кажется неинтересным.
Голоса за стеной и беспечный за окнами смех

Сообщают, что люди, как прежде, здоровы и живы;
Можно с тем же успехом добавить: "болеют и мрут".
Ну и что?.. По асфальту шурша, проезжают машины.
Как грубы и бесхитростны все рычаги и пружины! –
Страх и скука, мечты и претензии, отдых и труд...

Скоро солнце погаснет и Путь приоткроется Млечный;
Фонарей вдоль проспекта протянется рыжая нить;
Только что делать с вечною мне, если даже в невечной
Этой жизни – ее не сумел простодушно ценить?

В облаках ближе к ночи такая прохлада и нега!..
Дай насытиться ею! Смирением взгляд обнови!
Научи меня, как полюбить эту землю и небо.
А еще – как не ждать ниоткуда ответной любви.

* * *

(2.)

Если плохо сейчас, значит, счастье, наверное, было!
Эта мысль – что страдания положены в качестве платы –
Ну и что, что стара! – Как ночного пространства чернила,
Над которыми всплывшие тучи грязны и патлаты.

Или, если уж прошлое слишком несопоставимо
С настоящим, – попробуй представить, что платишь авансом.
Или просто живей разговор, если мы говорим о
Безнадежном... К тому же нас тянет к жестоким романсам

И трагичным сюжетам. – Давнишний уклон к мазохизму.
Если вдуматься, видимо, все происходит по плану,
И пока я в депрессии этой совсем не закисну,
Чтоб узнать *до конца*, – из нее выбираться не стану.

Впрочем, хватит о частностях. Лишь бы запомнить, что в общем –
Звезды падают с неба ли, капли – из ржавого крана, –
Нам космически много дано! – Потому-то и ропщем
И не знаем, как быть. Как-то стыдно... и страшно... и странно...

* * *

(3.)

Может быть, уже завтра кого-то из нас тут не станет,
Но сегодня пока что – общаемся, ходим, едим.
И, пускай безнадежно, друг к другу по-прежнему тянет...
На лотках у метро продается газета "Интим",

И красавица с первой страницы огромною грудью
(Что должна наподобье волны колыхаться морской)
Заслонит все печали и страхи... Я рад многолюдью
И пытаюсь быстрее проститься с вчерашним собой...

День холодный и ясный. – Не так уж он плохо и начат.
"Неизвестно, чем кончится", – скажешь? Ну что ж, поглядим.
Даже знать не хочу, что мои настроения значат!..
Если хмурые мысли нахлынут и переинчат, –
Надо будет купить – или вспомнить – газету "Интим".

* * *

Не станет ничего... И только яркий свет,
Летающий никуда сквозь миллионы лет...
Но что же значит "лет"? – Кто выстроит их в ряд?
И что же значит "свет"? – Для света нужен взгляд!

– Миг жизни чьей-нибудь (и в том числе – моей)
Тех миллионов лет несчитанных длинной,
Что будут течь, когда останется от нас
Лишь звездный, в пустоте взрывающийся газ!

И если выбирать, то муха на стекле
Сложнее и важнее, чем – в мерзлой этой мгле,
Где выгоревших звезд изглажены следы –
Новорожденный блеск сгустившейся звезды.

Чего ж тебе еще?! – Прими благую весть...
Тебя не будет? – Как?! – Ты безусловно есть!
Не значат ничего ни плотность, ни объем.
А время – только мысль в сознании твоём.

* * *

И никого не утешая,
Висит Медведица Большая.
И Малая – чуть-чуть левей.
Я знаю, прав был Птолемей, –
Мы в центре бытия!.. Людей

Каких угодно предпочту –
Вот этих, безразлично-встречных,
В их развлечениях беспечных
За всю тщету и суету –
Сиянью россыпей предвечных...

– За все про все. Как тот татарин,
Что щедро Чеховым подарен
(Река. Сибирь. Баркаса стук...), –
За полчаса любви готовый
Всю жизнь промучиться. До новой,
Где, видимо, не будет мук.

* * *

С английским спаниелем
Курчавая девчонка
Гуляет по газону
И думает о чем-то...

Допустим, планы строит
И хочет стать врачом?
А в общем-то не стоит
Ей думать ни о чем.

...Ласкаясь, ветер треплет
То челку, то футболку,
И солнце луч затеплит...
А в мыслях нету толку.

Декарта торжеству я
Давно бы предпочел,
Не очень существуя,
Не думать ни о чем.

* * *

Человеку судьба – родиться и умереть.
В интервале – как люди советовали всегда –
Долго строить-сажать-рожать, и болеть-стареть;
По возможности не причиняя другим вреда,
Посещая по праздникам церковь или мечеть.
Все равно, как ни взглянешь, в итоге – печально. М-да...

Пожилой жизнелюб ободряет: Держись! Не ной!
Столько радостей! – пользуйся тем, что тебе дано.
"Carpe diem!.." * А если окажется: нет *иной*,
Тем прекраснее *эта*. И хватит с тебя одной.
Вообще-то и тех и других – на любой покроей –
Аргументов полным-полно.

Суть не в счастье!.. Большого не надо уже ума,
Чтобы вяло отметить, что счастье – фантом реклам.
Вот служить бы хоть ложным, но *целям!* (– принять ислам
И в составе бригады шахидов взрывать дома?..)
Впрочем, делай что хочешь... Скоро опять зима.
Равнодушно спешат прохожие по делам.

* Лови день (*лат.*).

* * *

Человек существует, когда у него есть цели.
И желательно, кстати, чтоб их было даже много, –
Но не слишком (как родинок – на обнаженном теле).
Чтобы не разрастались апатия и тревога,

Чтобы как-нибудь этот занять бесконечный день свой,
И поспешно уснуть в эту долгую ночь... Короче –
Чтоб на нитку сплетенных друг с другом логичных действий
Неустанно, усердно нанизывать дни и ночи.

Лишь бы цели-то не оказались недостижимы...
Вряд ли сможешь скопить на квартиру? – Купи дубленку.
(Дав себе установку: в ближайшие выжить зимы.)
А родители быть благодарны должны ребенку

Вдвое больше, чем он им. За новую жизнь – вторую.
Впрочем, я вот ушел из семьи. И уже не тянет
Ни обратно, ни дальше... И как бы не существую.
И считаю за роскошь сказать, что я чем-то занят,

К социальным процессам пристроившись где-то с краю.
И никак не могу сформулировать планов на́ год...
А еще почему-то мне жалко, что я не знаю,
Как зовется – усыпанный гроздьями белых ягод –

Куст, вон тот, во дворе... (В детстве ягоды мы срывали
И давили с щелчком, – тротуар перепачкав ими...)
– Этой, что ли, как раз не хватает одной детали,
Чтобы смутные контуры будущего предстали,
А прошедшее сделалось проще и поправимей?

* * *

И проявляющий сноровку,
Известный в деловых кругах,
Живущий словно под диктовку
Во всех словах своих, шагах, –
Вынь из него *мотивировку*
(Ну две, ну три...) – потерпит крах.

Мы балансируем на грани,
И балансируем – пока
Не чувствуем, в глобальном плане
Как эта грань, увы, тонка...
Душа сомнамбулой в тумане
Идет по острию конька.

Что ж делать с теми, кто споткнется? –
Точней, по тем или иным
Причинам – вздрогнет и проснется.
Как спящие помогут им
Опять заснуть?.. Но все сомкнется
В итоге. – Там поговорим.

* * *

"Какая нами движет сила?"
"Куда в итоге нас ведет?" –
Мне наплевать сейчас... Уныло
По стеклам дождь холодный бьет;
Я делал срочный перевод
(Не так уж просто это было),
До четырех утра не спал.

Встал. Съездил. Сдал. – Пришел. Устал.

Нам кое-что еще осталось:
Когда ни веры, ни любви,
Ни прочего – благослови,
Господь, хотя бы за усталость!..

И облеку нам свой привет
Не в форму всяких угрызений,
А в долгий сон во мгле осенней...
Добавлю несколько примет:
Без пробуждений в туалет,
Без комаров и сновидений.

* * *

Поскорей бы хоть снег – чтобы вымерзли все комары!
Разве мало того, что за лето они надоели?!.
А теперь, когда вот уже месяц, как нету жары
И в помине, – обидно ворочаться ночью в постели,

От укуса проснувшись. Вставая, уныло вздыхать,
Что теперь не заснешь, – фумигатор в розетку втыкая.
А потом отвратительно приторный запах вдыхать,
Утешая себя тривиально, что "жизнь – вот такая".

И совсем уж не к месту в сознании быстро скользнет,
Словно титры, отчетливо на затемненном экране:
"Если запах не нравится, – (как бы научный подход) –
Значит, есть нечто общее и у тебя с комарами..."

– Хватит мне и эстетики! Нам Гринуэй-некрофил,
Упиваясь распадом, в цветастом своем "Зоопарке"
Акт слиянья с природой изысканно изобразил, –
Оставляя за кадром наброски, повторы, помарки...

У стоянки собаки залаяли. (Вот еще штрих
К иллюстрации...) Тем, кто на улице, вряд ли мешают.
Но внезапно – как будто бы выстрел. Надеюсь, не в них?..
Нет, похоже, не в них. И, замолкнув на миг, продолжают.

* * *

Женский голос в пустом переулке – "Андрей! Андрей!"
Вот спустился бы, может быть, чем-то помог бы ей?
Темнота. Три пятнадцать. – Ищет подростка мать?
Например... Но пока дойдешь, перестанет звать.

Да и чем тут поможешь? – Глупо кричать вдвоем.
Шарить, что ли, в кустах с фонариком под дождем?
Если б знала куда идти, то уже нашла б...
– А еще вспоминается: роза... И тот араб

За спиной продавщицы. – Ларек, летний день, жара
И жаровня с шавермой; будучи пьян с утра
(И представив, как душно внутри!), я вручил ей – "На,
Не грусти!" – И она засмеялась, удивлена.

А еще через день снова кофе свернул купить, –
Без малейших намерений, просто хотелось пить.
И – ни тени улыбки. Какой-то брезгливый тон.
Знать, араб дома задал ей жару за мой бутон.

Так что лучше... Но нынче любая смешна мораль.
Жаль, что трудно признаться уже даже в том, что жаль,
Что не жаль никого. А для тех инициатив
Нет, тем более, места. И голос давно затих.

Мне никак не понять, равнодушен ли шум дождя?
Или, скажем, "участлив"? – За всеми впотьмах следя.
Или каждый решает сам. – Не сойтись в одном.
Или – то, и другое, и третье... Потом, потом...

* * *

Ночи безумные, ночи бессонные...

А. Апухтин

Мы над прошлым больше не трепещем.
Можно было бы спросить: нужна ли
Память? – словно в ванной сетка трещин
На покрытой ржавчиной эмали.

– Да, нужна. Для трезвого расчета
Типа: сделал так – и вышло то-то.
(От облома следуя к облomu,
Научись, как делать по-другому.)

Что ж, сентиментальности не стало.
Значит, сетовать и не пристало, –
Положеньё этим не исправишь,
Только подтвердишь.

Но как-то мало

Под рукою остается клавиш...

Разве вдруг появятся – другие?..
Ностальгируя по ностальгии,
Хочется писать – я тоже знал их! –
О ночах – *безумных* и бессонных,
О цветах осенних запоздалых...

Чью-то слыша тень в загробных сонмах.

* * *

Когда б небосвод не подернуло сплошь
Осеннею низкою тучей,
На резвую бабочку был бы похож
Кружащийся листик летучий.

Он бьется в стекло, словно хочет увлечь!
И даже – скользящий по плитам
Фасада – наверно, довется, чтоб лечь
На крыши чешуйчатый битум...

Но ветра порыв – и другие опять
Вспорхнули с пожухлой березы...
Как видишь, ни грамма не смею отнять
От сумрачной правды и прозы,

И сам одолеть не мечтаю давно
Оков притяженья и тренья.
И все-таки сладко, что листьям дано
Минутное это паренье!..

А нам-то?..
А нам-то – пусть вспомнится, как
В прощаниях – песнях и одах –
Торжественна тяжесть, – "Наш гордый «Варяг»",
В неласковых тающих водах.

* * *

Слитной грудой черной,
Тишиной отягченной, –
Арматура, кирпич и бетон –

Под луною лимонной
Город спит миллионный,
Ни о чем не вздыхая сквозь сон.

До туманных окраин
Неподвижностью спаян...
Вереницу холодных огней

Обступая дворами,
Тьма по всей панораме
По контрасту – еще холодней.

– Только нервно-усталым
Беспрестанным сигналом
Спор ведет светофор-метроном,

Оживив перекресток,
С безучастностью блесков
На безоблачном небе ночном.

Да еще, без расчета
На ответ, – словно кто-то
Гладит спящего по голове,

Между зданий тяжелых
Ветра спутанный шорох
Возникает в опавшей листве...

* * *

Капли воды высыхают на плотной ткани
С мягким шипеньем – под действием утюга.
Чайник бурлит, и темнеет настой в стакане,
Ровно сияет вольфрамовая дуга,

Музыка, в магнитофоне крутясь, играет,
Грузовики мимо дома, гремя, ползут.
Где-то на электростанции выгорает
Скапливавшийся за тысячи лет мазут.

– Нам повезло, и досталась в удел растрата.
Чести, конечно, немного, зато – комфорт.
Небо вечернее рыхло и розовато.
Сдавленный зимними тучами город – горд,

Полон движенья и шума, тепла и света...
Если когда-то глобальный наступит крах,
Тем, безотчетное, ярче сверканье это!..
Разве душа не обласкана, не согрета? –
Будет что вспомнить, блуждая в иных мирах.

* * *

Тяжелые сплошные облака,
И хлопьев мокрых бесконечный рой,
И музыка на станции ночной,
Еще открытой... Кофе из ларька
Обдаст гортань горячею волной...
Мне кажется привычной и родной
Такая обстановка. И пока
Играет модный шлягер заводной –

Я постою...

Зима. – *"Опять зима"*.

Мы входим в новый календарный круг!
И верить хочется: чем гуще тьма,
Тем интереснее! – Качнется вдруг
Плывущего автобуса корма
На повороте. Снега первый слой,
Как прежде, свеж. И мягок, и упруг –
Когда ты за полночь бредешь домой.

– Подумать только! Сколько в прошлом лет...
Неужто нас и вправду обновит
Круженье, безотрадное на вид?..
Нам словно легче вспоминать зимой –
Как будто дальний-дальний шлет привет
Тот, кто когда-то раньше был тобой...
И тот же снег светился под стопой, –
И сохранял, и застилал твой след.

* * *

За горами ль, реками, песками,
В ящике ль – среди квитков квартплаты,
Смысл, который мы не отыскали,
Есть. – Короче, сами виноваты
В том, что приуныли и устали.

Значит, надо – ярче или чище?
Значит, надо – тоньше или крепче?
Или сообща, как в хоре – певчим?..

Правда, каяться почти что не в чем:
Ты – один. Пытающихся – тыщи.
И никто, возможно, не отыщет.
Но тебе от этого не легче...

И *один* вопрос, *одна* досада
(Опуская мелкие детали):
"Самому-то смыслу, что, не надо,
Чтоб его почаще обретали?!"

Или, может быть, подобен газу?..
Накачать бы столько, чтоб могли, не
Обижаясь, улететь все сразу –
В дирижабле. – "Графе Цеппелине".

* * *

Дело к ночи. Луна золотая
Появилась. Темнеет восток.
Может быть, мы уйдем, не страдая,
И останется несколько строк

Чистых-чистых – без порчи и брака,
Вроде форм идеальных, лекал...
.....
Чтобы призраки наши из мрака
Кто-нибудь иногда выкликал.

* * *

Смотри-ка, у школьников нынче кросс.
Стартуют густой толпой,
Но с каждой минутой видней разброс,
И вот уж передовой

Отряд в отрыве – из лучших трех,
Потом цепочкою те,
Кто в общем и целом не так уж плох;
А там – в пустоте, в хвосте,

Вполне безнадежен – совсем один.
Зачем еще, не пойму,
Бежит?! – Состязанья адреналин
Не может помочь ему.

Навряд ли гордость, неужто стыд? –
Нельзя перейти на шаг!
И колет в боку, и в груди саднит,
И гулко стучит в ушах...

– И в том утешенье, что слов и слез
Не стоит какой-то кросс.
Он кончится, как и любой другой...
И всех отпустят домой.

ИЗ КНИГИ

«Облачность
с прояснениями»

(2 0 0 8)

1.

* * *

Я ощущаю кожей городское
Пространство, где освоился давно.
И только в нем ищу себе покоя...
Особенно когда вверху темно

И пасмурно. И где-то в подсознание
Такие же огни кругом горят.
И излучают улицы и зданья
Неуловимый смысловой заряд.

Хотя опять живу в другом районе...
Но все районы сеткою дорог
Притянуты друг к другу. На балконе
Ночной обзор на прошлое широк;

Но вместе с тем неважно, что на южной
Окраине ты вырос, а вон там –
Учился... Биографии наружной
Уже не вспомнишь точно по годам.

В окошке новогодняя гирлянда
Мигает: красный, желтый, голубой,
Зеленый. – Лишь четыре варианта.
Так лучше вперемешку, вразнобой! –

Здесь просто *что-то было*. – Нет расчета
О нем забыть. Нельзя вернуть назад.
Но то, что есть, – оно ведь тоже "что-то"?
И, значит, нету никаких утрат?

И можно ждать... Не так, как раньше ждали,
А зная, что не будет никогда.
Печаль светла, как снег. Да вот нужна ли?..
Как на картинке в глянцевом журнале –
Другие города, другие да...

* * *

Опять бодрит морозец с ветром.
(Простуду не согнать с губы...)
Дымок нежнейший в небе светлом
Из грубой тянется трубы.

Подумаешь: "Сжигают нечто
Тяжелое, а он – лёгóк..."
Но мысль, случайна и конечна,
Быстрее тает, чем дымок.

Проходят, исчезая, люди;
Да птицы серые снуют...
И, разуверившись в уюте,
Душа приемлет неуют.

И блещут инеем и снегом
Замерзшей грязи завитки.
И шаг за шагом, след за следом –
Шаги становятся легки.

* * *

Всего, конечно, очень много,
И, вероятно, даже слишком...
Нам не хватает только Бога –
Ко всем затворам и задвижкам

Ключа или, скорее, лома.
А может быть, ломать не нужно?..
Луна, наглядная, как пломба,
Висит надежно и наружно.

Уж не чрезмерно ли серьезны
Твои высказыванья все? –
Пусть в парке за дорогой сосны
Стоят в обледенелой сбруе,

Пусть ярко светятся квартиры
(Где неизвестно что творится).
И нету никакой рутины
В том, что назавтра повторится.

...А звезды в сумрачных затонах
За облаком в движенье быстром
Следят, мой взгляд своим затронув
Каким-то рыбьим любопытством...

* * *

Жаль, что надо в дом уходить с балкона!
Фантастическая, мягка
Ночь январская. С ясного небосклона
Льется свет. – Постою пока.

Как тепло! Плюс два или плюс четыре.
И ночные цвета свежи...
Я шепчу кому-то, кто рядом: ты не
Обрывай меня! – Не спеши

Указать на то, что избита тема.
(Разве лучше, когда молчим?)
Видишь, птица с дерева вдруг взлетела
Без каких-то явных причин, –

Не спросив у нас разрешенья. Значит,
Что-то может произойти!
И неважно, сколько ночей незрячих
И бесследных дней позади.

Почему, мой сумрачный собеседник,
С констатаций общих начав,
Не признать предчувствий опять весенних,
Не отдаться им хоть на час?

Посмотри, как сладко дворы уснули,
Как доверчив зыбкий покой!..
Но, под звездной синью, в далеком гуле –
Пульс размеренный, ритм простой.

* * *

По заснеженной улочке с низенькими домами
Иногда проезжает медленная машина,
Не нарушив статичности в будничной панораме;
Во дворах исчезая...

Скрипят, открываясь, двери
Продуктового (также – винного) магазина,
Что обычно открыт до часу, по крайней мере.

Из дверей выходят "нормальные люди" с поли-
этиленовыми мешками (еда, напитки);
Словно нету у каждого – страха, забот и боли...
Зимним вечером хочется верить, что в самом деле
Милых благ бытовых предоставлено всем в избытке, –
Лишь бы свет зажигался и батареи грели.

И растаять мечтаешь в бесхитростной подоплеке,
Где любовь примитивна, но все-таки не презренна:
"Мне с тобой хорошо и удобно. Тебе – со мною..."
И трагизм неизбежен, поскольку приходят сроки.
Но какая тут мыслима "огненная геенна"
Вкупе с жалкою жизнью, обыденною, земною?!.

Лишь бы только не помнить, что где-то (возможно, рядом) –
"Одинокого духа" дерзания и терзанья;
Бесполезное напряжение, – разжиженье
Изначально простого смысла в пробирке с ядом...
На бессмертие неоспоримые притязанья –
Или функция общего медленного движенья?

* * *

...Может быть, нас друг с другом сближает всего лишь похоть.
Да еще, вероятно, трёп, и вино, и закусь...
Можно так рассудить – или этак. И хорошо хоть
То, что сами вольны придавать этой связи статус –

Ну, какой ты захочешь? Правда, "любви до гроба" –
Будет слишком... Но, как бы там ни было, этим мигом,
Даже часом и днем, все равно дорожили оба.
Так о чем же мечтать высоком или великом?..

Не волнуйся, мы вовсе не хуже, ничуть не ниже
Прежних книжных героев. – Просто они глядели
Через призму предзаданных норм... Но притом они же
Нам понять завещали, как там на самом деле

Обстоят дела. Теперь мы всё знаем... Вывод? –
В том, что действия равноценны и сходны цели.
И, тебя обнимая, я вправе шепнуть им: "Вы вот
Так любить не умели!"

* * *

Луна в туманном ореоле
Слегка дрожит.
Легко ли? Скучно? Тяжело ли? –
Кто как решит.

Как есть, так есть. Мы не внакладе.
Как есть, так нет.
И на вопрос "чего же ради?" –
Любой ответ...

Лишь были б стимулы и сила
На что-нибудь!
И чтоб надежда нам польстила
Еще чуть-чуть.

Еще до завтра. Или мало? –
До послеза...
Сверкнет капли запоздало
В окне слеза,

И луч над облаком жемчужным,
Сочась на снег,
Предъявит мир волшебно-чуждым
И – "где нас нет".

* * *

"Смерть тебя отрицает" –
Как с усмешкой Базаров сказал.
Впрочем, кто его знает?..
Люди ходят в бассейн и спортзал,

Вероятно, надеясь,
Что усилиями рук или ног
Отодвинут назначенный срок.
– Если это и ересь,

То не худшая. Все же
Есть задор за себя постоять;
Мышц упругость и кожи;
К потной шее прилипшая прядь. –

"Не сдаваться без боя!"
Я бы, кстати, присовокупил
И другое любое
Приложение сил...

Так, чего-то не зная,
Мы друг другу пример подаем.
Тучи рваное знамя
Озарилось восходом – подъем!

...Но бывает ночами
Ничего не желающий взгляд.
Лишь бы звезды молчали...
(И они, как обычно, молчат.)

* * *

Нависший в пустоте подъемный кран,
Ажурный и открытый всем ветрам,
Так одиноко выглядит и зыбко,

Что в представленье возникает вдруг
С ослабленную тетивую лук...
Или как струны – эти тросы?.. Скрипка?

Но нет... На фоне гаснущей зари
Топорщатся железные штыри, –
Возводится массивная основа

Тому, чтоб жить. Питаться и любить,
Ругаться, ждать. И безусловно – пить.
И это все заведомо готово.

Пожалуй, благороднее процесс
Строительства. – Согласованья в СЭС
И Ленэнерго; споры с технадзором.

Прекрасна – схема. Грубый идеал
Еще без чайников и одеял,
Бетонным обрастающий раствором.

* * *

Сегодня снова тучи хмурые...
Но взгляду в первый раз предстали
Проплешины зелено-бурые
По линии теплоцентрали.

И дышится чуть-чуть свободнее,
И – как зима ни истомила –
Хранят травинки прошлогодние
В себе остаток хлорофилла, –

Прообраз нового зеленого.
И кажется: круговращенье –
Какого-то неразделенного
Желанья давнего отмщенье.

И, смятое, полузабытое,
Мутируя, как гриппа вирус,
Предстанет!.. Посмотри, открытое
Пространство всюду оживилось.

Не стоит представлять заранее,
Во что все выльется... Однако –
Рабочие возводят здание,
Пьют дворники портвейн "Анапа"...

* * *

Мглистый намокший воздух
Контурь скрыл от глаз.
И гудков тепловозных
Тысячетонный бас

Так почему-то дорог,
Словно Благая Весть –
Темных тяжесть вагонов,
Тускло блеснувший рельс.

Сколько в змеистом теле
Бревен, цистерн, камней!
Значит, движенье к цели
Чем тяжелей – мощней...

Будто бы – вместе с нами,
Если нам спится под
Звонкий разгон в тумане. –
Холод. И жар. И ход.

2.

* * *

Скорей всего, температура
Меняет оптику слегка, –
И выглядят совсем не хмуро
Два длинных облачных мазка,

И света позднего полоска
Под вечер – дальней синевой –
Уже не смотрится так жестко
И отчужденно, как зимой.

Точней сказать, мы просто слабы:
Немножко воздух подогрей,
И мысль другая, чем была бы,
Возникнет – ярче и бодрей,

С надеждою на зелень мая...
И свой исток, и свой лимит
В себе самой воспринимая, –
Не превзойдет, не устранил.

Вот если б сцепка вдруг порвалась –
И нам однажды удалось
Весну с зимой, тоску и радость
Друг другом пропитать насквозь!..

Но внятность большая дана ли,
Чем радость – или чем тоска?..
Без слов, беззвучны, перед нами
Слоятся в небе облака.

* * *

Вот уже лед на дорожке, подтаявший снизу,
Вкусно хрустит, как из тостера вынутый хлеб.
Март подбирает цвета, от эскиза к эскизу,
К яркой знакомой картинке. И ты не ослеп,

Чтоб не отметить – пускай и неловких – стараний.
Только бормочешь: "Нельзя ли чуть-чуть побыстрее?!" –
Не оценив аккуратности в робости ранней...
Скоро не кисть, а с готовою краскою спрей,

Как у подростков, что пишут названья на стенах,
Пятна зеленые здесь разбросает и там...
Чтобы мучительность всех перемен постепенных
Переносимую снова запомнилась нам.

* * *

Лазурно-весенние грезы...
Ветвистая черная крона
Изогнутой старой березы,
И рядом – ворона, ворона...

С похмелья присяду понуро;
Но дорого взгляду и мило
Все сразу... Какая фактура
У странного, цельного мира –

Никак не могу не заметить!
Так в чем вся беда и вина-то –
В желанье на это ответить?
А может быть, вовсе не надо?

Дышать пустотой, высотой,
Сквозь мозг проходящей бесплодно,
Я вправе. И этого – стою.
Как, впрочем, любой – кто угодно.

* * *

Мир заражает нас
Бесцельностью своей,
И радостен для глаз
Навес живых ветвей.

Им некуда спешить
И нечего решать;
Их нечего лишить,
Им трудно помешать.

Они прельщают нас, –
Но в том-то и подвох,
Что человек – не вяз,
Не дуб, не клен, не мох.

Хоть дышится легко,
Не стоит забывать,
Насколько глубоко
Им на тебя плевать...

– Я знаю, что уйду!
И жаль, что навсегда. –
В такую пустоту,
Где нету ни куста.

Где не оплатишь счет
Лишь тем, что полюбил
Весь этот кислород,
Весь этот хлорофилл...

* * *

В небе акварельные разводы, –
Кто-то что-то не дорисовал...
От хорошей до плохой погоды
Чем-то средним занят интервал.

То грязнее, то слегка бледнее,
Ближе к западу – чуть-чуть светлей...
Что ж, незавершенность мне милее,
Потому что жизнь созвучна ей.

Потому что лето не настало,
Хоть уже и кончилась весна.
За листвой, колеблющейся вяло,
Фонарем стена освещена...

Ну а что же дальше – за стеною?
Сон? Объятья? Выпивка? Кино?
Допустимо все – но полутьмою
В тишине густой растворено.

* * *

Распустились на клумбе тюльпаны,
Растрепался бутон, шелковист.
Кем-то брошен пакет от сметаны...
Дальней сигнализации визг

Соревнуется с пением птичьим
И звучит органично почти.
Летний день благодушно-обычен, –
Пятна света и ветра скачки.

Летний день представляется вечным;
След воды к тротуару присох.
Можно съездить на озеро, лечь там
На затоптанный теплый песок, –

Точно так же, как можно не ездить.
Разве станет пространство полней?
Разве нет ощущения, что все здесь
Равноценны пути?.. Тополей

Серебристая плавает вата
Вдоль двора, от стены до стены.
И при чем тут расплата, растрата? –
Может быть, мы давно прощены

И отпущены. И невесомы...
Что ты можешь? К чему прикреплен? –
Мягким жаром беспечной истомы,
Солнцем, движущимся под уклон.

* * *

Так солнце слепило и жглось,
Что зелень земная устала.
И плотное туч покрывало
От рек и озер поднялось.

И листья шумящие рады:
Вот-вот – и прольется гроза.
Всего-то на четверть часа,
А сколько пьянящей прохлады!

Я их понимаю во всем. –
Меж небом томясь и землею,
Не мог приспособиться к зною
И ливнем коротким – спасен.

Дышать бы, дышать бы пока!
Смотреть на текущие капли.
Нам некуда деться, не так ли?
Нас чья-то смиряет рука...

* * *

Тот оттенок новый, что был замечен
Ночью в небе... То, что сквозило в нем,
Передать нельзя!.. Как-то темно-светел,
И горяч и холоден. Отстранен

И насыщен. – Мало ли что там слито...
Мне казалось (если уж мы должны
Пояснять): пропавшие жизни чьи-то
Глубоко дышали, отрешены

От своей раздельности. Но как будто
Вместе с тем томясь по "всему тому"
И сказать пытаюсь о том кому-то, –
Скажем, мне. И зная, что не пойму.

Но почти почувствую. – Понимая...
Что? Что жизнь пропала? – Еще не вся.
И уж скоро солнце зажжется с края,
Упрощая взгляд. Унося. Гася.

* * *

Девочка, в роликовых коньках
Путаясь (велики),
Передвигается кое-как,
Обе подняв руки

Для равновесья. – Не упали!
С нею – еще одна,
Тоже, наверное, лет пяти...
Мелкие семена

Между домами летят, блестя.
Август. Ветер. Закат.
Вот и кончается резвость вся
Летняя. В рюкзаках

Дачники с поезда понесли
Овощи и грибы.
Солнце, купая лучи в пыли,
Медлит – как будто бы

Длинный бесхитростный день простой
Жаль прерывать. Хоть в нем
Счастья и не было. – Что не столь
Важно... Не утомлен

Опытом, смыслом не обожжен,
Все же побудь вблизи –
Четко расчерченным витражом...
Не исчезай. Блести!

* * *

Остывающий август, раскрывшийся звездной истомой...
Даже кажется: город под нею невольно притих.
Прошептал безотчетный вопрос: "Не покой ли искомый?.." –
Вспомнишь сразу, что, эту банальность себе запретив,

Очень долго держался. Но вот и не выдержал (что же
Тут поделать!), – увидев опять после светлых ночей,
Как становится небо все глубже, прозрачней и строже...
Это тоже банально, но нет никаких мелочей. –

Если взгляду доступна такая сплошная, сквозная
Пустота – все пространство, как есть, – значит, связанный с ним,
Ты, дымящий второй сигаретой над чашкою чая,
Ощути: каждый миг необъятен и непоправим!

Чем его ты наполнишь? Как можешь быть *этому* равным?..
И поскольку понятно: никак – ни сегодня, ни впрямь,
Каждый миг сам собой изначально и вечно оправдан.
Остается всего-то лишь: жить, умирать и смотреть.

* * *

Из поезда вполоборота
Глядишь – летят мосты и просеки;
Плывет обширное болото,
На нем игрушечные сосенки,

Столбы, в пяти шагах от насыпи
По грудь увязшие в трясине.
А мох лоснится – словно: "На, ступи!"
И дали горизонта сини,

Как будто обещают что-то нам,
Маня безмерной жизнью новой. –
За тем березняком, заштопанном
Шерстистой зеленью еловой,

Дощатыми за теми дачами...
Но лишь секунда – промелькнуло.
И обольщения утрачены.
Наплывы скоростного гула

Напомнили, что направление –
Прямая линия стальная
И только рельсы параллельные
Скользят вблизи, не отставая;

И что, приняв маршрут заранее,
На ожиданье без тревоги
Настроившись, душа задраена...
Наверно, дождь пойдет (его ли

Ты ждал?..).
Многоэтажный пригород –
За то, что транспортно покорны,
Вознаградив – навстречу двигает
Пустые мокрые платформы.

3.

* * *

(I.)

Облака скользят, как чужие сны,
А за ними – слепая гладь.
То ли их никак не постичь: сложны,
То ли нечего постигать.

Небосклон то легок, то вдруг тяжел,
Но градаций ценностных в нем
Не ищи. И что ты найти в чужом
Хочешь сне, чего нет в твоём?

Можно жизнь любую свести к одной
Жалкой просьбе ("прими!", "согрей!").
Но зачем дома narосли стеной? –
Столько комнат, окон, дверей...

Чтобы снова даль оправдать и близь,
Все различья форм и длины,
Верь, что нечто все же должно найтись!..
Друг от друга отделены,

Никогда слиянья не обретем,
Чтобы не ослабел накал
Интереса (будничного притом) –
К чьим-то снам, домам, облакам...

* * *

(2.)

Ситуаций – нет. И событий – нет.
Только дней неразрывный ряд.
Никакой не зыблется в них сюжет,
Кроме, разве, роста затрат.

Скудных действий выверенный набор,
И усилий, хоть небольших –
Неизбежных. И ни к чему напор
И задор. – Да и нет уж их.

Это просто данности грубой клеть,
Не пытайся ее сломать.
Можно в ней "гореть", и уж точно – тлеть;
Сесть на стул и лечь на кровать.

Ты вполне свободен. Сдержи упрек.
И о прошлом своем – ни-ни...
Отыщи оттенки – не меньше трех, –
Изучая во тьме огни,

Возвращаясь вечером из гостей,
Обходи ментов стороной;
И идти старайся ровней, быстрее –
Словно очень спешишь домой.

* * *

(3.)

Над землей убогой повисла тьма.
И звезда – как будто кулон
У луны на шее. Везде дома.
Сколько тихих окон кругом!

И не видно лиц, и не слышно дряг,
Словно все – просты и чисты.
На шоссе грузовой замирает лязг..
Я ничуть не лучше, чем ты.

Нам, по сути, не о чем говорить,
И в тождественности своей
Ни спасти друг друга, ни одарить.
Только время пройдет быстрее.

Хорошо... Страстей остывает зуд,
Хоть гаси их, хоть не гаси.
Только несколько странных, других минут. –
И огни рубиновые мелькнут
Уезжающего такси.

* * *

В темноте по двору иду
В магазин покупать еду...
Что за странная жизнь, ей-богу! –

Нету времени ни на что,
Но при этом, как в решето,
Дни текут, не ведя к итогу.

Много дел. Но едва одна
Цель как будто одолена,
Возникают другие цели.

Словно это величина
Постоянная... Вечера,
Ночи, месяцы и недели

Позади, как и впереди, –
Слиплись. Что обречем в пути,
Все потратим – но все оплатим.

И луна, в пустоте вися,
Нынче взгляду открыта вся
С неподвижностью мертвых пятен.

* * *

О Господи, какая красота! –
Безоблачное небо, высота,
Сгущенные осенние цвета...
Таким покоем и такой прохладой

Насыщен взгляд, что не о чем жалеть!
Весь день идти бы просто и глядеть.
А можно постоять. И посидеть.
Короче, все равно – хоть стой, хоть падай.

На завтра – дождь, на послезавтра – снег.
Закрутит ветер выброшенный чек;
И трактора впечатавшийся трек
Застынет в глине грубым барельефом...

Тем более, сейчас – пока, пока
В луче нежгучем греется рука
И едет мимо старая "Ока",
Считать не стоит эту радость блефом.

А стоит... Что? – Запомнить синих двух
Полет последних, самых стойких, мух.
Опавший яркий лист опрятно сух...
Вот лишь бы тонкого не ранить слоя

Наружных впечатлений. Все равно
За ними расплзается пятно
Недопроявленного смысла... Но
Оно – внутри. С тобой. Всегда слепое.

* * *

Сухих и праздных мыслей шорох
Твоих... А рядом, из окна,
Возникли звуки, смысл которых
Понятен каждому. – *Она*

С нескромностью красноречивой
Все выше, все сильнее кричит..
(А *он* – кто этому причиной –
Сосредоточенно молчит.)

И позавидуешь невольно:
Тебе-то нынче не дано
Такого "счастья". Впрочем, больно
Уж кратковременно оно.

Зато вполне возобновимо,
Сто раз входи – одна вода;
Застой курортного залива,
И дно легко достать... Ну да,

Скажи себе, что ты не этим
Живешь. Возьми в противовес,
К примеру, шепот веток, ветер,
Ночных свечение небес...

Но... То ли звезд сегодня мало,
То ли еще чего. Едва
Затихло – снова все сначала:
"А! А! А! А! А! А! А! А!"

* * *

Скоро засну и подушку во тьме обниму
С неразделенной любовью к себе самому.
Это не есть нарциссизм и не есть эгоизм, —
Так в одиночестве всякий живет организм.

То есть, конечно, и то и другое – все есть
(Так же, как прежде, в семье, были теща и тесть).
Чтоб "сублимировать", нужно немало труда,
Но уж зато от себя не уйдешь никуда.

...Вообрази, что душа, как топограф, бредет
Вдаль, чтобы карту составить пустынь и болот.
Или она – как солдат, что стоит на посту
И в пограничную должен смотреть пустоту.

А вообще из шести миллиардов людей
Каждый достоин любви – не чужой, так своей.
Много ли стоят всеобщие эти права? –
Бремя слепого родства, алгоритм естества...

* * *

Всё надоело. И все – надоели.
Встречи, застолья, пустые дебаты;
Нежные взгляды, объятия в постели, –
Непродуктивные трудозатраты.

Маниакальная зреет идея:
"Жизнь – для другого!" Тогда почему же
Всё как всегда? – За неделей неделя.
А самочувствие хуже и хуже.

Панкреатит? Урология? Печень? –
Черт его знает... Но в самом же деле,
Так ведь и сдохнешь в какой-нибудь вечер,
Не сформулировав правильной цели.

...Времени стало так много, так мало!
Словно приличия ради, сейчас мы
Тратим его как ни в чем не бывало. –
Счастливы столько же, сколько несчастны.

* * *

Зимний вечер пространен и чуток,
В небе крупные трубы дымят;
Город на истечении суток
Темнотой и усталостью смят.

Угловатые зданья в тумане,
Ярких кухонных лампочек рой...
И тяжелые птицы кругами
Всё толкуются над крышей одной.

И прозрачный контейнер-"икарус"
Проплывает. И трели машин
Рассыпаются, перекликаясь,
По дворам, неуютно большим, –

Где какие-то люди, как будто
Что-то знают, имеют в виду,
Торопливо и твердо идут по
Тротуаров бугристому льду...

Я – не знаю, не помню, не понял.
И уже не спросить. – Оpozдал.
За размазанным зыбким покоем
Ничего не заметно глазам.

Только это не спор и не выбор. –
Так сложилось и произошло...
Тепло-хладным подобные рыбам,
Мысли в тусклое бьются стекло.

* * *

На краю всегда раскрытой пропасти
Полного безволя и бессилья
Гибкие пластмассовые лопасти –
Будто бы хитиновые крылья –

Замершего криво вентилятора
(Есть отряд электронасекомых)
Протираю тряпкой... Поддевятого
Вечера. На маленьких иконах,

Аккуратных, некогда подаренных
Вроде сувенира, амулета, –
Тоже пыль... За окнами в проталинах
Блики электрического света

Так дрожат из влажной мглы расхлябанной,
Словно предвещают: бесполезной
Будет вся морока. – Не разглядывай.
Лучше возвращайся к пресной, трезвой

Будничной работе – не настаивай,
Что масштабной, – но необходимой.
Скудный остров свой необитаемый
От прилива шаткою плотиной

Ограждай.
К полуночи – доделано.
Тот, кто, видно, не был робинзоном,
Скажет: "удовлетворенье". – Где оно?
Мозг апатией парализован,

Той, которой следствие – бессонница.
Впрочем, все – с какой-то главной нормой
Согласуется... И не с кем ссориться.
День прошел. И наступает новый.

* * *

Хозяин палочку кидает,
Собачка радостно бежит, –
От чувства преданности тает,
От возбуждения дрожит...

Потом томится и виляет
Хвостом. Ей хочется опять.
"Давай-ка брось!" – призывно лает.
А он уже устал бросать. –

С машины тщательно счищает
Снег щеткою со всех сторон...
Но вечер вскоре обещает
Обоим тот же моцион

И рацион. И всё в порядке.
И лишь бы кто-нибудь давал
Без выбора и без оглядки
Простой исполнить ритуал.

4.

* * *

Мы сильно изменились. И не помним
Чего-то, что мы раньше просто знали;
И опыт представляется неполным...
В сознании, замусоренном снами,

Нет места прежней цельности, небрежной
Уверенности. Или в самом деле
Она всегда бывает только "прежней"?
Но прежде мы о ней не сожалели.

Все как-то странно... Правда, слово "странно"
Почти что ничего не означает.
А впрочем, вот – идет вода из крана,
Рука ее включает, отключает

Отточенным движением привычным
(Я разве возражаю или спорю?);
А кран к трубе сантехником привинчен,
И плотно сходится резьба с резьбой.

...Как будто смысл обманам и подменам
Так подберем, чтоб не было обмана...
И незаметно кровь течет по венам.
И наполняется водою ванна.

* * *

Целый день рабочий на машине
Механической цепной пилой
Тротуар кромсает. – Здесь решили
Положить асфальта свежий слой.

Равномерный гул и резкий скрежет,
Иногда надрывный... Ни к чему
Спрашивать: "Пока он режет, режет,
Интересно, скучно ли ему?"

Так и жизнь пройдет – его, моя ли.
Что ж, она и так и так – пройдет.
Мы, увязшие в материале,
Спишем этот призрачный расход.

Кто к чему был "втайне" предназначен,
Однозначно явлено судьбой.
Ну, давай, заканчивай, коль начал, –
Строй, ломай... Почетен труд любой.

Все своими, так сказать, руками
Делается... Стоило ль спешить
Новую заплату к ветхой ткани
В свой черед попробовать пришить?..

* * *

Идешь по улице. – Цветочки
И кофточки на дне витрин.
Часы, косметика, сорочки...
Надеюсь, мы приободрим

Себя призывом, – за которым
Особых нет проблем и тайн:
"Живи по правилам готовым –
Производи, приобретай..."

Неоновая вздрогнет плазма
В поспешном шорохе колес;
Все не напрасно, не напрасно...
Не в оправдании вопрос.

Допустим, даже не в спасенье;
А лишь (не брезгуй, если ты
Ждал большего) в приспособленье
К наличным факторам среды.

Но безотчетном, постепенном...
Сверни в бистро; купи эклер.
Картинки яркие по стенам,
Стерильно модный интерьер,

Блеск лампочки в пустом бокале,
Слащавой песни серпантин;
Молекулярные спирали
Случайных следствий и причин.

* * *

В самодовольстве есть нечто от аскетизма.
Тот, кто доволен собою, – доволен малым.
Можно о чем угодно просить капризно,
Лишь бы желанья свои не считать обманом. –

Если не "славя Творца", то, по крайней мере,
Жадно (читай: благодарно) ловя подачки,
Будничные вдохновенно решать задачки,
Смысл находя в комфорте и интерьере.

Так полюбуйся, сколько вокруг аскетов! –
Жизнь принимающих просто – как таковую,
Скромных, никем по достоинству не воспетых...
Я не язвлю, а завидую и ревную.

(Было бы слишком уж муторно и противно
Из подсознания выудить попытаться,
Якобы чтобы стала полней картина,
Скользкий клубок "проекций" и "компенсаций",

Что заставляют меня говорить об этом.)
...Каждая рыба пользуется своими
Жабрами, плавниками, хвостом, скелетом, –
Чтоб удержаться в Гольфстриме, или мэйнстриме.

Каждая рыба – сама за себя в ответе.
Только ведь речь и вправду о самом важном!..
Взгляд задержи на рекламном любом портрете,
Мимо плывущем в холодном свеченье влажном.

* * *

Всюду видишь достоинство плоти...
Впрочем, плоть же – подружка душе.
И они, в неустанной заботе
Друг о друге, не помнят уже

Ни о ком. И ни Духа, ни Дара,
Ни стремленья постичь пустоту...
Что сказать? – Симпатичная пара.
(Симпатичней, чем группа "Тату".)

Поневоле смотрю умиленно
И ищу оправдания для всех,
Кто не хочет "зиянья и звона"...
Разве жить – это в сущности грех?!

– Если жизнь в самом деле бесплодна,
Лишь себя восполняя собой,
Если люди – скрепленные плотно
Звенья общей цепи круговой,

Пусть бы сердце бестрепетно билось,
Подростковую свежесть лица
Сохранял вечнодышащий *биос* –
Без конца, без творца, без отца...

* * *

Всё хочется что-то закончить и, что-то начав,
Потом продолжать аккуратно и неторопливо...
Так много скопилось досады в бессонных ночах!
Сознанию, как это ни пошло, нужна перспектива

Посильного бытостроительства, – некий "прогресс".
Иначе – сплошные заторы, заносы, торосы...
Какой-нибудь способ жить все-таки легче! – а без
Него возникают большие-большие вопросы.

Мы чувствуем интуитивно, что их не решить.
Но можно прикрыться: "Сначала, мол, то-то и то-то,
А там уж займемся всерьез..." – и опять отложить.
И повод приличный найдется. Любовь и работа;

Карьера, рождение детей...
Впрочем, я не к тому,
Чтоб все зачеркнуть, подтвердив неизбежность распада.
Я лишь сомневаюсь. И в темных сомнениях тону.
Но если иначе никак, то, наверно, так надо.

* * *

Воистину сладка – усталость. В чем тут странность?
Она сладка не тем,
Что можно лечь в постель, и знать, что ждет с утра нас,
И вечер пролетел.

А грезящимся в ней прощеньем, – ощущеньем,
Что прожил день сполна.
И суетным своим бесплодным истощеньем
Душа облегчена.

И быстро промелькнет непрочная догадка:
По смерти, где-то там,
Все силы и слова истратив без остатка,
К условным небесам

Взмывают, позабыв, была ли в чем заслуга,
И "та" или "не та"
Исполнена судьба... Но тело – вот, заснуло.
Дыханье. Темнота.

* * *

Есть свобода хоть в том, чтобы думать почти ни о чем? –
Чтобы мысли кружились, как листья, летящие в воду...
Шопенгауэр, кажется, этот момент не учел,
Методично и страстно *во всем* отрицая свободу.

Или где-то учел? – Я не помню. Но слово-то – здесь.
И какие б еще ни клубились вокруг представленья,
Толкованья и мненья, слипаясь в туманную взвесь, –
Не бывает ведь слов без значенья!

Если так, то об этом "свободен" подумать и я, –
Просто следуя слову, на большее не претендуя:
"Вероятно, свобода – во мне, но она – не моя.
И ее, даже если хочу, не отдам никому я".

Даже Богу – ей-богу – сто раз говорил: "Забери!"
Потому что навряд ли *таким* я пригоден для рая, –
С этой чуждою силой, что губит меня изнутри.
Или лгал и боялся?.. Но это уж тема другая.

* * *

Вдруг представишь, разуму вопреки,
Что по всей ночной глубине
Звезды – это мелкие мотыльки,
Что летят и летят к луне.

Только их движенье заснято на
Фото пленку. И навсегда
Остановлено. – Так что ни одна
Не достигнет луны звезда.

Даже та, которая столь близка,
Что коснулась дрожью крыла
Желтовато-синего ободка, –
Но его не пересекла...

И вмещает плотный, зависший миг,
Задохнувшийся полнотой,
Все стремленья! – Стягивая, томит
Целью стылою, золотой.

* * *

Жизнь блаженна, нежна и жестока,
И прекрасна в бесчинстве своем...
И пускай увядают до срока
Все цветы, что мы жадно сорвем.

Им взамен вырастают другие, –
Выползают из жирной земли
Стебли юные, столь же тугие,
Как и те, что в нее полегли.

Как и те, что появятся позже,
Ничего не творя, не тая...
Боже, сколько желанья и дрожи! –
Одного, одного и того же.
И на это есть воля Твоя? –

Чтобы формами время играло,
Чтобы мир возникал, погибал...
Разве копии с оригинала
Станут лучше, чем оригинал?

Плотью прежнюю плоть попирая,
Сожалеть ли? О чем и о ком?!

.....
"О весна, без конца и без края!" –
Возбужденное жжение мая,
Смех и трепет в потоке людском.

* * *

Ночь расправила крылья, грудь,
Сбросив солнечный жар дневной.
И свободнее ветру дуть
Под раскрытой прозрачной мглой.

Темный город обвит, блестит
Паутиною фонарей.
И Земля в пустоте летит
Легче, кажется, и быстрее.

Так, без трения и труда,
Выпуская себя из рук,
Просто падаем в никуда.
Ускоряется сердца стук...

Что там встретится впереди?
Видишь, черный распахнут рай.
Надо только не знать. – Не жди.
Надо только не ждать. – Не знай.

*из написанного
позднее*

* * *

Та вода, что втекает в нас,
Та, которую, то есть, пьем,
Может быть, уже много раз
Наполняла живой объем. —

Претворялась то в кровь, то в пот,
Избавляла чьи-то тела
От избытка солей, кислот...
В черноту подземных пустот
Или облаком в небосвод
Устремлялась. И вновь текла.

Но молекулы не хранят
Превращений былых следа.
Что им синтез? Что им распад? —
Лишь движенье туда-сюда.
Снова — тысячи лет подряд —
Льется влага, — пресна, чиста.

Если помнить, что состоим
Друг из друга, из всех людей,
Легче станет ли, тяжелей
Расставаться с собой самим?
Этот опыт непредставим...
— Не волнуйся, не сожалей.

* * *

Для чего провиденье слепило тебя из молекул
И годами хранило? – Хотя не всегда, не вполне...
Но грешно обижаться. Представь, как живет калекам,
Или вспомни о тех, кто погиб на недавней войне.

Молодые... допустим, "простые и крепкие" парни.
Может быть, и не так. Только много ли скажут о них
Узкий гроб и слоистая глина... И корни. И камни.
Воплощается в данности, версии все отменив,

"Тайна жизни и смерти" – банальна, как всякая тайна,
И банальностью этой покрыта, как ржавой броней;
Мысль, как пуля, коснется ее, отскочив моментально,
Разве что оцарапав поверхность... Безногий герой

Собирает подачки, спокойно катясь по вагону,
Соскребая условную жалость, расплывчатый стыд.
– А каким бы он был, если б вышло чуть-чуть по-другому?
– А таким же, как тот, кто, слегка отстранившись, *стоит*.

* * *

Честные люди топтались телесные
В тесном вагоне, загоне – что кони;
Прятали мысли свои неизвестные,
Вряд ли кому-то еще интересные.
– Что ты завелся? Оставь их в покое!..

Каждый подумать бы мог то же самое,
И о *своей* принадлежности сетуя
К данному виду. И сердце усталое –
Полуразбитое, полусогретое –
Билось.

В глухом одномерном туннеле
Перемещалась, прикрыта одеждою,
Плоть – вожденная, жалкая, нежная,
Слабая, дряблая...

Без просветления,
Без искупления, без оправдания
Автоматически в окна смотрели,
В серых полосках – струящемся кабеле –
Словно лоя подтвержденье терпения.

Лишь бы продлились и эти мгновения,
Станции из темноты возникали бы.

* * *

На сковородке, шипя, блестят
Рыжие два пятна –
Пара невысиженных цыплят.
Жизнь уже не нужна

Им – потому что их просто нет.
И не представить, как
Мог бы оформиться клюв, скелет
В жидких таких желтках.

"Все *превращается*", – вспомнишь; вдруг
Кружится голова...
Тело должно превратиться в труп,
Чтобы росла трава.

"Лучше бы, – думаешь, – кто-то съел..."
(Боже, что я несу?!)
Слабо доносится пьяных тел
Смех, за окном, внизу.

* * *

Взгляд коснется слегка
Под слоем дорожной пыли
Искусственного венка.
Не искушай судьбу...

Мчатся автомобили;
Чей-то несчастный случай
Прочно теперь прикручен
Проволокой к столбу.

Стоя, смотришь назад,
Движенье начать готовясь,
С ожиданием в глазах:
Постепенно всплывет

Серый квадрат – автобус.
Нехотя скрипнет створка...
Одно впечатленье стерто
Другим. – Поедешь вперед.

Воздух пронизан сплошь
Теле/радиоволнами,
Правила, правда, ложь –
Спутаны, скреплены

Пространными разговорами,
Приторною рекламой,
Лозунгами двуглавыми,
Вытеснением вины...

Впитывается в мозг
Тусклыми отголосками
Шелест шагов, колес, –
Все, что кругом – и тут –

Происходит... Над плоскими
Далями панорамы
Торча, подъемные краны
Что-то в клювах несут.

* * *

В последний месяц глупо так живу –
Сижу ночами, поднимаюсь к часу;
То медлю, то спешу... По существу,
Все спуталось. – Не разобрать канву.
Не выдохнуть. Не вырулить на трассу.

Погода – тоже мутная. Тепла
Не предвещая, в небе неуютном –
Стандартная сырая полумгла.
И эти бесконечные дела! –
Как мало, боже мой, они дают нам...

Уволиться? Уехать? Умереть? –
Но это, знаешь, все-таки сложнее,
Чем тряпкой пятна со стола стереть
И, чиркнув спичкой, ужин подогреть,
О промелькнувшем дне не сожалеть.

И – думая устало, что "весна
Надежд не оправдала, как бывало
Не раз; но лишь сумятицу внесла" –
Зевнуть, – по рекам и каналам сна
В постели отплывая запоздало...

* * *

Бывают минуты, когда не
Боишься. Бывают – когда
Боишься. Посмотришь: годами
Такая идет чехарда.

Наверное, это нормально, –
Как, скажем, июнь и январь,
И прочее. – "Вира" и "майна".
Ты только терпи, продлевай.

Какой же в подобной системе
Двоичной возможен изъян?..
И вновь соловьи засвистели;
Проголочный катер измял

Прохладную мутную воду,
Взбивая в ней пену винтом...
И хватит пенять на природу!
Все дело не в этом, не в том.

* * *

Мне то и дело кажется, что все,
Кто повторяет: "Ничего не надо", –
Рискуют уподобиться лисе,
Не дотянувшейся до винограда.

"Не надо" – значит, все-таки "дано".
И что же нам дано? – Продемонстрируй!
Лишь это отстранение одно?
Простой мотив, стоически-тоскливый?

И одинаково в любых устах
Звучат исканий скудные итоги
Плюс то да се... Да воробьи в кустах,
И солнца луч, и клумба у дороги;

И несколько измятых облаков
На заднем плане пусть сойдутся в стаю...
Поймай – скажи, что я и сам таков,
Но я и сам легко себя поймаю.

Хватило бы на всех и тишины...
А потому слова, похоже, лживы;
Обиды полностью не прощены,
Желанья тоже (к сожаленью?) живы.

Так до конца душой и шевели
Своей – упрямой, жадной, обреченной, –
Не рассмотрев – пока еще – вдали
"Цветущий берег за мглою черной".

* * *

Пахнет черемухой. Жаль, что она отцветет.
Вот бы так и цвела
Целое лето! А лучше еще – целый год.
Жаль, что мало тепла.

Только теперь возвращаешься ночью домой
Медленно, не спеша,
Остановившись нарочно, дыша полутьмой.
Как же она свежа!..

И до утра театральный, узорный эдем
В гуще мягких ветвей –
Меланхолически странен, безжизненно нем...
Где темней, где бледней,

Тонкие тени в искусственном свете косом
С разных легли сторон;
Если все это старо и похоже на сон –
Ладно. А в остальном,

Может быть, даже и счастье? – Минуты на две
Пауза, эпизод...
Крупные брызги на черно-зеленой листве;
Слабый запах плывет.

* * *

Ворона за другой вороной
Летит сквозь ветер и жару,
Нога от курицы вареной
В кастрюле плавает в жиру;

Стучат часы, гудит машина...
И все смещается кругом. –
Хотя бы и не без нажима,
Хотя бы втайне и с трудом.

И все же, не боясь повтора,
Опять на первый вышли план
Сестрички Фауна и Флора,
Деля заботы пополам

(Или забавы), – помогая,
Подталкивая, тормоша.
И жизнь дрожит очередная,
Еще болезненно свежа.

– И ты, проснувшись понемногу,
Давай уже, не отставай!
И жалобную эту ногу
Куриную разогревай

И ешь, чтоб выбраться из дому;
В невинной участи своей
Ты соучастник – "по-любому".
Куда спешить? – Скорей, скорей!..

* * *

Бога считать "товарищем" и "партнером",
Как предложил один протестантский пастор,
Все-таки непривычно – и вряд ли в скором
Времени будет признано безопасным.

Вдруг Он возьмет и рассердится, в самом деле? –
Спросит сурово: "Ты что себе позволяешь?!
Я, сотворивший звезды и Землю... Мне ли
Так называться? Какой Я тебе «товарищ»?!"

А уж в российском контексте вдвойне нелепо:
"Ну-ка, товарищ Бог, помоги в работе..."
– Что за дурацкие мысли!.. Наверно, лето
Их навевает. Расслабленной солнцем плоти

Хочется верить, что небо к ней благосклонно.
Словно иначе и быть не могло. – Могло бы.
Резвые разговоры. Порхает слово.
Шепчутся клены, снова большеголовы...

Как все обыденно! – Просто тепло и сухо.
И – как ни странно, "легкий" – из чьих-то окон
Распространился запах мясного супа;
И для чего сейчас разбираться с Богом?

Разве что вспомнить: "Хлеб наш насущный дай нам".
Только... За этой праздничной пеленою
Что-то должно остаться бездонным, тайным –
Чтобы она вздувалась тугой волною,

Чтобы потом, безвольная, опадала,
То есть дышала... Тонок, хотя и прочен
Яркий покров. Любых обращений мало –
Новых и старых. Не отвергай их, впрочем.

* * *

"Зачем Он создал мир?" – Да знаешь, просто так.
А мог не создавать, и было бы не хуже,
Наверное... Но *что*? Не-звук, не-свет, не-мрак? –
Нам не помыслить их. Уверься: Бог всеблаг
И, значит, мир хорош.

И песенку все ту же

Усердно распевай, как юный пионер, –
В расчете искупить издержки и промашки
И заглушить свою тревогу – например:
"Какой чудесный день!.. Цветочки-тучки-пташки!"

Жалей, что это все не втиснуть в чемодан,
Не увезти, не сдать в багаж на всякий случай...
Мир и хорош и плох. И неразрывно дан.
И медленно кипит – густой, тягучий, жгучий,

Вполне перебродив... Представь, что дистиллят,
Очищенный, стечет в объемистую чашу,
Сочась через твое сознание, твой взгляд;
Сомнения и сны Творца развеселят..
А чем не вариант, чтоб жизнь осмыслить нашу?

Но только вариант. Придумай что-нибудь
Другое, если вдруг усмотришь в этом ересь.
Нам все равно нельзя ни скрыть, ни обмануть:
Сравнения всплывут. – И испарятся, пенясь.

* * *

Тяжелые, синие, несколькими слоями,
Друг с другом слипались, но неба не заслоняли
Всецело... И все же расплескивались громами
В закатных лучах, над чернеющими домами.

И дождь осыпался густой. А потом стихал он.
И отблеск в далеком окне то прохладно-алым,
То жарко-оранжевым был.

И опять картина
Зачем-то менялась – внезапно, неотвратимо.

"И тут я подумал..." А может быть, я не думал. –
Лишь двигался воздух, наполнен размытым гулом;
Лишь, плавно смещаясь все дальше, его взрезали
Кривые, скругленные, сдвоенные зигзаги.

* * *

"Все напрасно. Все не напрасно".
И не выразиться точней.
В клетках мозга струится праздно
Дней свечение и ночей.

Подтверждаются без урона
Друг для друга и "нет" и "да".
Нечто вроде оксюморона, –
Скажем, "полная пустота".

И надежная безнадежность
Неотступно-бесследных дел.
Что, о Господи, Ты найдешь в нас?
И чего Ты от нас хотел?..

То, зачем еще тело живо,
То, к чему еще взгляд влеком, –
Безусловно, непостижимо,
Ни частично, ни целиком.

* * *

И все-таки все еще снится,
Хотя не мечтается вяве,
Что с кем-то позволено слиться
Всецело, в естественном праве

На радость... Любить, любоваться. –
Не зря ведь однокоренные
Слова. И они не боятся,
Что опыт бесплоден донине.

И чувствовать с полной отдачей,
Что счастье тебя не покинет...
Открытою кожей горячей
Ты призван, и понят, и принят, –

Пока не очнешься... И точка.
Ну что же – "утрата"? "расплата"?
И кажется: явь – оболочка,
Которую намертво сжато

Недавне-банальное... Вроде
Изучены эти флюиды.
Но в память о взгляде и плоти
Всмотрись без стыда и обиды,

Еще не вставая с кровати,
Одернув бугры одеяла...
А имени не было, кстати,
У той, что тебя обнимала.

* * *

Видишь, многое сохранится,
Даже если не все подряд.
Запись. Оперная певица...
Спиритический аппарат.

Это горло давно истлело,
Внешний облик почти забыт –
Но сквозь фоновый шорох смело
Голос льется, летит, звенит...

Впрочем, пели и до нее же,
И оваций вздымался вал;
Для поимки воздушной дрожи
Мир уловок еще не знал,

И какими там голосами,
Не представит никто из нас,
Услаждали сидевших в зале
В тот единственно-каждый раз.

Трудно отождествиться с ними, –
Ибо жалости нет в груди
Ни к певице, ни к героине
Грустной арии на CD.

Ну сопрано, колоратура...
Половины истертых слов
Не поймешь... Так сказать, культура.
Выпью чаю. Нажму на "off".

* * *

Смотрит пасмурно и просто
Новый день в окно.
Всюду властвует уродство,
Так заведено.

Нет подарков от погоды
От календаря –
Потому что мы уроды,
Строго говоря.

То есть вот, не заслужили.
Скопом и гуртом
Ели-были, пили-жили,
Умерли потом.

Ели-врали-убивали,
Славили режим,
Пили-пели-забывали.
Что еще свершим?

...И над низкою равниной
Уж который год
Дождь унылый и ленивый
Медленно ползет.

* * *

Такие же низкие тучи
Над городом сонно висят –
Не хуже ничуть и не лучше,
Чем весь этот месяц подряд.

И смотришь, почти что не веря
В движенье куда-то "вперед".
Но тело проходит сквозь время
(А может быть, наоборот).

Меняются формы и ткани, –
Не слишком заметно для глаз,
Чтоб медленно мы привыкали
К тому, что осталось от нас,

К тому, что становится с нами,
И стало, и станет потом.
И знали, и как бы не знали,
Укутаны в плотный повтор.

* * *

Ветер трогает щеки нежнее чужой руки,
Только мы избалованы, в общем-то, и привыкли...
Как всегда, разгорелись прозрачные огоньки,
И неведомо, что там в пространстве – прогресс ли, сдвиг ли?

Да уж вряд ли прогресс. Вероятней, наоборот...
Или, скажем, "стабильность". Правители и министры
В основном неизменны. Предвидится Новый год,
И трескучие в небе народ рассыпает искры.

Да и небо стабильно, опять обещая в срок
Или дождь, или снег, их варьируя прихотливо...
Впрочем, я же о ветре. – Касясь ладоней, щек,
Замирая до следующего потом порыва,

Словно хочет утешить... Дает ощутить простор
Запустения, безысходности и застоя.
Поздней осенью, ночью, в движенье его простом
Есть свободы подобие некое. И покоя.

* * *

Пусть эта жизнь, как известно, пройдет,
Даже отчасти прошла, –
Все же глядишь на снежинок полет,
Сыплющихся без числа.

И в хаотичном круженье порой
Вдруг померещится связь:
Видишь, одна погналась за второй,
Та ускользает, смеясь.

Только смеясь тишиной, в тишине –
В старом немом синемá...
Все-таки это красиво вполне,
Хоть и знакомо весьма.

– Так, беззаботно-покорно, потом
В пышный ложатся сугроб,
Так застилают сплошным полотном
Сетку протоптанных троп.

В сумраке светлом, расплывшись почти,
Ближний квартал недвижим.
Но никуда и не надо идти
Нынче. А завтра решим.

* * *

Много ль будет недель еще
Столь же вьюжно-мягки?..
В лесопарке на стрельбище
Раздаются хлопки.

Кто-то выстрел за выстрелом
Отпускает с крючка –
Не с азартом воинственным,
А помедлив слегка.

Снег тем временем валится,
Рыхлый, как вермишель,
Не стараясь понравиться,
Засыпая мишень

И стрелка полузрячего,
Что уперся в приклад...
Но уже ведь заплачено,
И не жалко затрат, –

Раз уж, мутную, белую
Пелену просверлив,
Зренье льстится победою
В упражненьях своих.

И, причисленный к перечню
Виртуальных заслуг,
В тишину, как в копеечку,
Ударяется звук.

* * *

Чистых небес клочок
Дальний, на фоне мутном,
Радует мой зрачок
Будничным зимним утром

Больше, чем если б вдруг
Полностью синь открылась...
Скоро его сотрут.
Эта случайна милость.

Так поглядим, глотнем
И занырнем обратно,
Медленным, слитным днем
Сдавленные. И ладно.

Холодно было б – там,
В ясном, пустынном, блеклом...
Вот и стянулся шрам,
Сдавшись густым волокнам.

* * *

Высокое небо сияло.
Тяжелые лили дожди.
Листва осыпалась устало.
Все было. – Не так уж и мало.
И что-то манило, мелькало
И было еще впереди.

– Пожалуй, не так уж и *много*.
– Но быть бы и меньше могло...
Хотелось "чего-то иного",
Но все превратилось в одно.
А если оно и не ново,
То это уже все равно.

Утрат не считает природа
В обмене веществ и существ;
Кому-то не вспомнить кого-то,
Кто был до него и исчез.
И с каждого Нового года
Слабее к судьбе интерес.

...Проходит зима, как и лето.
В безмолвном полете легка,
Вкруг солнца вращаясь, планета
Ему подставляет бока.
Ты думаешь, встретимся *где-то*?
Не знаю... Посмотрим... Пока.

* * *

Была у меня квартира
Когда-то, давным-давно,
И в окнах ее – картина:
Пустырь, за ним полотно

Железной дороги. Мимо
Все время, туда-сюда,
Ходили неумоимо
Различные поезда.

И где-то в мозгу, в суставах
Застрял их движенья звук,
И долгих ночных составов
Мне нравился гулкий стук,

И ветер скользил по шторам,
И веяло от ночей
Равнинным сырým простором,
Безвестностью жизни всей –

Где оттепели-метели
В аккорде слились одним.
Июньские птицы пели...
Валялся металлолом...

Ты знаешь: не повторится. –
Тем более повтори,
Как поезд громоздкий длится.
Минуту? – Вторую. Три.

СОДЕРЖАНИЕ

из книги

«В поисках настоящего» (1998)

в поле местоимений

«Состою – из чего, кого я?..»	7
«Вечер синий, безлюдный, чудесный...»	8
«Если бы я не умел считать...»	9
«А когда, натянув одеяло...»	10
«Время почему-то загустело...»	11
«И жасмин, и шиповник – как чудо...»	12
«О чем волнуешься, дружок?..»	13

в последнее время

«Бывает так: ослабла батарейка...»	14
«Этот вечер не знает, что он мне знаком...»	15
«Фалес говорит, что все есть вода...»	16
«Жизнь и вправду течет, как вода...»	17
«Все знания, занятия, дела...»	18
«Ну почему не скажут прямо...»	19
«Жизнь, когда б не мы, она сама-то...»	20

...между делом

«Смешан запах свежести и гнили...»	21
«Что за странной новизною...»	22
«Я все время очень занят...»	23
«Пройдет еще минут пятнадцать...»	24
«Не с кем бороться, а то, что "с собою"...»	25
«Все дороги ведут всё туда же...»	26
«Воздух из летних открытых окон!..»	27
«Меня интересует, почему...»	28

из книги

«Мерцание» (1999)

рассеянный взгляд

«Не бывает "хорошо" и "плохо"...»	31
«Память – заброшенный огород...»	32
«Теперь не принято – а в детстве, пионером...»	33
«Хочется есть, но лень приготовить себе обед...»	34

«Август похож на стакан мадеры...»	35
«Права на вождение автомобиля...»	36
«Все вроде бы ясно... Сегодня четверг...»	37

под давлением

«Все всегда всё делают одинаково...»	38
«Плотные тучи – натянуты, вздуты!...»	39
«Нас одолела постепенно...»	40
«Страсти влюбленных, их вздохи и страхи...»	41
«Сидит человечек карманный...»	42
«– Вот так, представь себе, живу...»	43
«"Как дела?.." – Тяжело и мутно...»	44
«По лестнице идешь, как по пещере...»	45
«Мне нравится, что в этом мире...»	46
«За что я так люблю ворон?...»	47
«Легкий, свежий и нежный... Таким словам...»	48

продолжение следует...

«Случайный знакомый вошел в вагон...»	49
«На тринадцатом этаже...»	50
«Поглядишь – и мысль неистребима...»	51
«...А все-таки совсем не так давно...»	52
«Исчезают формы, оболочки...»	53
«Когда людей в аллеях сада...»	54
«День прожит зря, как говорится...»	55
«Видишь, лето вокруг городское...»	56

из книги

«На свете» (2001)

тавтологии

«Осень – странная... Ленивым осам...»	59
«Боже мой, как сегодня красиво!...»	60
«Годы, невзгоды, воды, разводы, роды...»	61
«...Я вспоминал, как что-то вспоминал...»	62
«Заморожен и завьюжен...»	63
«Покупали покупатели...»	64
«Господь уже не ждет, не просит...»	65

утверждения

«Говорить хотелось бы только о "самом главном" ...»	66
«Пять старых тополей под заводской стеною...»	67

«Во сне я слышал: птицы пели...»	68
«Краснолапый голубь круглогрудый...»	69
«Дождь прошел, и небо просветлело...»	70
«Все различия рухнут в слиянье...»	71
«Что мне нравится, что вызывает зависть...»	72

отрицания

«Мне до сих пор все так же неизвестно...»	73
«Что напишешь – о черном котенке?...»	74
«Я не верю в честность наркомана...»	75
«...Чего-то в жизни не случилось...»	76
«Сейчас к подушке лбом горячим...»	77
«Жизнь устроена все-таки честно, и такова...»	78
«Ни просвета нет на горизонте...»	79

другие стихи

«Жарко в небе облакам линиялым...»	80
«Слабо светится на пустыре...»	81
«Учись у мира, – как он одинаков!...»	82
«Чудо – там, где двое или трое...»	83
«Не хочу ничего домогаться!...»	84
«Ты живешь не в квартире, а в мире!...»	85
«Золотые и синие тучи...»	86
«В домохозяек одышливых превратятся...»	87
«Пока в душе, как в коммуналке...»	88

из книги

«...другое время...» (2003)

I.

«Одиночества плыли краски...»	91
«В обшарпанном, еще пустом...»	92
«Женскому мешая разговору...»	94
«Проснувшись медленно, устало, тяжело...»	95
«Цветет сирень. И ночи сумрак светел...»	96
«Эти желтые жирные блики на водах канала...»	97
«Можно целую вечность – всего за четыре рубля...»	98
«Далекая молния, как фотовспышка, беззвучна...»	99
«Сорванный тонкий листочек потрогай рукой...»	100
«Никогда, если честно, теперь уж скорей всего...»	101
«Пусть вырастают новые поколения...»	102
«К чему немое сводится общение...»	103

«Вдруг замечаешь, что заграждена...»	104
«Ты мог бы рассказать, как горек мед...»	106
«Люди пригнаны к обстановке...»	107
«Не слушая попреков и обид...»	108
«"Подай, Фелица, наставлень!"...»	109
«Самолет, мигая, улетает...»	111

2.

«День проходит, жизнь проходит...»	112
«Зачем одни и те же повторять...»	114
«Слегка подтаяли сугробы...»	116
«Томится плоть, разделена...»	117
«Прекрасно тело! – словно мук...»	118
«Не чей-то, <i>твой</i> ребенок. Вот...»	119
«У Филиппа Киркорова – вид андрогина...»	120
«Вертинский – Анненский для бедных...»	122
«Ночь. Мороз. Пустота. Тишина и луна...»	123
«Недоуменье. Похоть. Страх...»	124
«Вот мы страдаем и горим...»	125
«На снегу – следы и тени...»	126
«Не облако. – Труба электростанции...»	127
« <i>Прекрасное</i> – что неизбежно нам...»	128
«О, какие порою мне снятся...»	129
«Дождь накрапывает слабо...»	130
«Я живу очень странно; делаю очень мало...»	131
«Слово за слово... Так появляется миф...»	132

из книги

«За отсутствием» (2005)

*

«...Этот полный, тотальный покой...»	135
«Девушки широкая спина...»	136
«Вселенной бледные огни...»	138
«Смотрел кино про Жукова – и плакал...»	139
«Один – спивается. Другой вот-вот свихнется...»	140
«Ларьки, что бойко торговали...»	141
«Я бы мог обрисовать примерно...»	142
«Молчаливо толпились березы...»	144
«"Любовь-любовь..." Превыше всех...»	145
«Уж если ты "блудник и мытарь"...»	146

«Стираются воспоминания...»	147
«Осмыслить жизнь как таковую...»	148

*** ***

«Только синее небо над нами...»	149
«Мне снился сон... Возможно, он...»	150
«Я так хотел бы поблагодарить...»	151
«Предмет стихов и кинолент...»	152
«Смеялась, голову закинула...»	153
«На выбор: сила есть и слабость...»	154
«Я испытал не раз – и неопровержимо...»	155
«"Там вдали за рекой..." – Какой?..»	156
«Вот заснуть и проснуться бы завтра же в "Царстве Небесном"!..»	157
«Если плохо сейчас, значит, счастье, наверное, было!..»	158
«Может быть, уже завтра кого-то из нас тут не станет...»	159
«Не станет ничего... И только яркий свет...»	160
«И никого не утешая...»	161
«С английским спаниелем...»	162

*** * ***

«Человеку судьба – родиться и умереть...»	163
«Человек существует, когда у него есть цели...»	164
«И проявляющий споровку...»	165
«"Какая нами движет сила?"...»	166
«Поскорей бы хоть снег – чтобы вымерзли все комары!..»	167
«Женский голос в пустом переулке – "Андрей! Андрей!"...»	168
«Мы над прошлым больше не трепещем...»	169
«Когда б небосвод не подернуло сплошь...»	170
«Слитной грудью черной...»	171
«Капли воды высыхают на плотной ткани...»	172
«Тяжелые сплошные облака...»	173
«За горами ль, реками, песками...»	174
«Дело к ночи. Луна золотая...»	175
«Смотри-ка, у школьников нынче кросс...»	176

из книги

«Облачность с прояснениями» (2008)

1.

«Я ощущаю кожей городское...»	179
«Опять бодрит морозец с ветром...»	180

«Всего, конечно, очень много...»	181
«Жаль, что надо в дом уходить с балкона!..»	182
«По заснеженной улочке с низенькими домами...»	183
«...Может быть, нас друг с другом сближает всего лишь похоть...»	184
«Луна в туманном ореоле...»	185
«"Смерть тебя отрицает"...»	186
«Нависший в пустоте подъемный кран...»	187
«Сегодня снова тучи хмурые...»	188
«Мглистый намокший воздух...»	189

2.

«Скорей всего, температура...»	190
«Вот уже лед на дорожке, подтаявший снизу...»	191
«Лазурно-весенние грезы...»	192
«Мир заражает нас...»	193
«В небе акварельные разводы...»	194
«Распустились на клумбе тюльпаны...»	195
«Так солнце слепило и жглось...»	196
«Тот оттенок новый, что был замечен...»	197
«Девочка, в роликовых коньках...»	198
«Остывающий август, раскрывшийся звездной истомой...»	199
«Из поезда вполоборота...»	200

3.

«Облака скользят, как чужие сны...»	201
«Ситуаций – нет. И событий – нет...»	202
«Над землей убогой повисла тьма...»	203
«В темноте по двору иду...»	204
«О Господи, какая красота!..»	205
«Сухих и праздных мыслей шорох...»	206
«Скоро засну и подушку во тьме обниму...»	207
«Всё надоело. И все – надоели...»	208
«Зимний вечер пространен и чуток...»	209
«На краю всегда раскрытой пропасти...»	210
«Хозяин палочку кидает...»	211

4.

«Мы сильно изменились. И не помним...»	212
«Целый день рабочий на машине...»	213
«Идешь по улице. – Цветочки...»	214
«В самодовольстве есть нечто от аскетизма...»	215
«Всюду видишь достоинство плоти...»	216

«Всё хочется что-то закончить и, что-то начав...»	217
«Воистину сладка – усталость. В чем тут странность?..»	218
«Есть свобода хоть в том, чтобы думать почти ни о чем?..»	219
«Вдруг представишь, разуму вопреки...»	220
«Жизнь блаженна, нежна и жестока...»	221
«Ночь расправила крылья, грудь...»	222

из написанного позднее

«Та вода, что втекает в нас...»	225
«Для чего провиденье слепило тебя из молекул...»	226
«Честные люди топтались телесные...»	227
«На сковородке, шипя, блестят...»	228
«Взгляд коснется слегка...»	229
«В последний месяц глупо так живу...»	230
«Бывают минуты, когда не...»	231
«Мне то и дело кажется, что все...»	232
«Пахнет черемухой. Жаль, что она отцветет...»	233
«Ворона за другой вороной...»	234
«Бога считать "товарищем" и "партнером"...»	235
«"Зачем Он создал мир?" – Да знаешь, просто так...»	236
«Тяжелые, синие, несколькими слоями...»	237
«"Все напрасно. Все не напрасно"...»	238
«И все-таки все еще снится...»	239
«Видишь, многое сохранится...»	240
«Смотрит пасмурно и просто...»	241
«Такие же низкие тучи...»	242
«Ветер трогает щеки нежнее чужой руки...»	243
«Пусть эта жизнь, как известно, пройдет...»	244
«Много ль будет недель еще...»	245
«Чистых небес клочок...»	246
«Высокое небо сияло...»	247
«Была у меня квартира...»	248

Д. Датешидзе

В ТЕЧЕНИЕ (избранное)

Корректор Н. В. Нестерова

Издано ООО «Журнал "Звезда"»

191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 20

Подписано в печать 18.04.2012. Формат 84x108 1/32

Печать офсетная. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 13,44. Тираж 800. Заказ № 5900

Отпечатано по технологии CtP

в ИПК ООО «Ленинградское издательство»

194044, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, д. 9